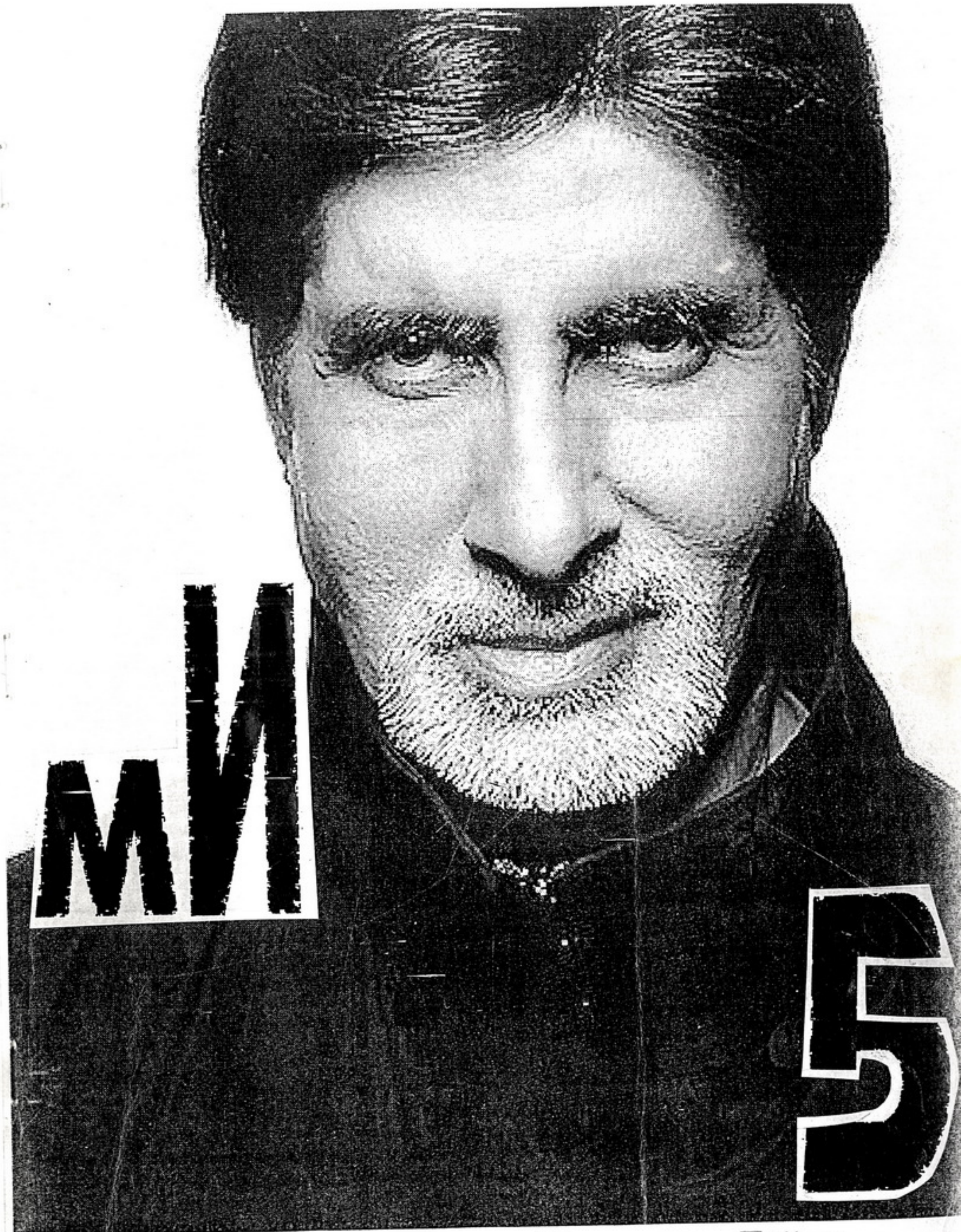

ВЗГЛЯД!

МММ

5

Замечательная фоторафия от Хиндустан Таймс.

ЗА МЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Каждый человек меняется и чаще всего - незаметно для себя. В юном возрасте этот процесс кажется фатальным, ведь ты вырастаешь, превращаясь из ребенка во взрослого. Сейчас, когда становится более менее ясно из чего складывались все перемены, кажется, что многое могло произойти по-другому, но происходило так, как ты выбирал это сам. К несчастью это апостериорное доверие собственным силам чем ты старше тем труднее обратить в целенаправленное действие. Немало благородных мыслей до сих пор возникает в голове по поводу того, как заставить каждый час своей жизни быть счастливым и правильным. "Неплохо, неплохо, сынок" одобрительно киваешь ты, совершая добрый глоток все более дорогого напитка. Но год проходит за годом, смерть приближается неминуемо и равнодушно, и копятя горы невоплощенных желаний и воплощенных обломков. Выхода из этого нет, но, в конце концов, - куда теперь спешить, обливаясь потом, - неужели ради жалких подачек комфортабельности и успеха? А поэтому, можно взяться за написание мемуаров и подарить себе радиоактивную пыль воспоминаний.

Не стану здесь докучать вам описанием своих детских лет. Детство у меня было счастливое, советское, немного диссидентское. У меня всегда было много друзей, я окружен был заботой и вниманием, взрослые отмечали мои какие-никакие способности и таланты. У меня всегда был хороший аппетит, меня обременяло мало забот, я относился к жизни радостно и внимательно и приобрел кое-какие хорошие привычки, которым с тех пор неизменно изменяю, в большей или меньшей степени сознавая это... Так что приступлю сразу к следующему этапу. Нельзя сказать, конечно, когда точно он начался, но примерно, я полагаю, в девятом классе (школы тогда были одиннадцатилетние, но мы все перескочили через какой-то класс) под конец тринадцатого года моей жизни.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ОТРОЧЕСТВО

По настоящему самое пьянство поперло только в десятом классе. А до этого все было по простому и носило характер игры во взрослых, хотя я умел создавать вокруг себя ауру пьющего чувака. Вспоминаются смешные вещи, идущие в своей, сейчас уже совсем с трудом вспоминающейся, последовательности. Когда я учился в восьмом классе, например, мне было настолько невдомек, что такое пиво, что когда меня им угостил школьный друг, сын брестского контрабандиста, Женя Майсюк, я, не зная что с ним делать, взял и разбавил его водой. Почувствовав горький пивной вкус я, как с трудом помнится и верится, был разочарован, и вовсе не стал допивать, но никто не заподозрил меня в неопытности на счет алкоголя. Чуть позже, той же весной мы решили отметить 23 февраля в небольшой хулиганской компании. Я лично покупал какой-то портвейн с девчонкой - второгодницей, но не помню, чтобы каким-то боком напился или много выпил. Так оно и было со всеми, если не считать второгодницы, которая как ей и положено, в тот вечер была сильно пьяна. На следующую школьную вечеринку, которую проводили в нашем классе - на тот момент, в музыкальном кабинете, где со стен свисали какие-то пастухи и хороводы, - как всегда в разгар трудового дня, я подготовился более тщательно - долго и результативно выпрашивал, чтобы мне продали три бутылки жигулевского пива, а затем налил в металлическую флягу немного водки из початой отцовской бутылки (процедура, которую я потом проделывал неоднократно, всякий раз доливая воду, водку или вообще покупая другую бутылку и отпивая до нужного уровня). И без того отвратительно пахшая водка приобрела от фляги какой-то медно-ржавый привкус, который я могу вспомнить до сих пор, так же как и вкус портвейна, которым я отравился уже летом. Вряд ли тогда я выпил больше двух-трех глотков, поскольку это сделал хулиган-старшеклассник, организму которого явно не хватало алкоксидов железа.

Тем летом я не зря терял время (не зря потерять время - моя любимая поговорка, от которой почему-то никому не смешно), поскольку в детстве все мы умели хорошо угарать, а для этого вовсе ничего не было нужно. Запомнились поездки в Минск и к староверам на Урал, где я впервые ощутил необъятность пространства, а единственные пять рублей, которые я заработал на даче как-то вечером таская воду на чей-то огород, я потратил, в отличие от остальных, не на две бутылки пива Ячменный колос, а на аудиокассету JVS-60 - музыка - почти весь попсовый трэш, бытовавший в те годы, интересовала меня на полную катушку (хотя разумеется я считал себя сначала металлистом, потом рокером и только позже - панком), в отличие от пива, которое вошло в мой рацион уже осенью, что, впрочем, напрямую оказалось связано с музыкой. В ту осень вместе со старшим братом и его непонятными и загадочными друзьями мы организовали не что иное как панк-группу. Ничего в то время не доставляло мне большего удовольствия, чем что-нибудь громко орать в микрофон, колотить по коробкам, изображая барабанщика или хоть изредка пойти с братом на концерт. Первая проба пера состоялась в сентябре, когда сидя в братовой комнате, я с восхищением глядел на белый урал, подрубленный в электронику, любой звук которого будил в моем сердце радость и агрессию. Тогда мы просто взяли какую-то книгу Лескова, я открывал ее в любом месте и орал все, что там написано. Брату это почему-то

пришлось по сердцу. но этот период нашего творчества быстро закончился. Перепевать чужое, даже хорошее, всегда было неловко. Пришлось со вкусом петь свою бредятину уже на следующей встрече в полном составе у Беловского дедушки. Поэтому день рождения Лис.хлеба состоялся в октябре, а именно в День рождения нашей с Димой бабушки - 17 октября. Начались веселые будни, и совсем скоро часто проходившие в то время квартирники, репетиции и дерзкие краеведческие прогулки по крышам доверху заполнили мое сердце. Надо сказать, что Москва в те годы представляла из себя настоящую кладезь заброшенныхстроек, недорытых котлаванов, открытых подвалов и чердаков, которые теперь дорыли, достроили и по уши запродали друг другу наши подросшие и освоившиеся ровесники. К тому времени я уже учился в 9 классе и был переполнен энергией, как готовый разорваться воздушный шар, а в мире во всю шел всего лишь 1992 год.

Слишком много событий приходит в голову и кажется, что все они не могли уместиться в такое короткое время. Сейчас за целые годы едва ли наберется столько всего, что происходило тогда за какой-нибудь месяц.

Я совсем не помню, что я делал в школе, и все прежние друзья совершенно вылетели у меня из головы, хотя наверняка из многих из них сейчас вышел толк, не то что из меня. ("Дружок, твои ровесники поступают в институты, в университеты, в сельхозучилища. Они ищут путь в жизни, а ты тем временем жрёшь дерьмо."). Едва ли мне вспомнится больше 100 уроков за всю историю моего школьного образования, а из всей школьной истории я помню только процесс над Якобинцами, на котором я выступал в роли судьи, и которых я страстно оправдывал в отличие от адвоката. Я был по горло занят прогулками и музыкой, общением с новыми и интересными людьми, каковыми мне казались почти все, умеющие держать гитару или петь что-то свое. Кроме этого, я помню футбол, который обожал до упоения, регулярные походы в театр с матерью, книги, которые читал я сам или читал мне мой Дедушка. Вечерами я приходил к ним с бабушкой в ту самую однокомнатную квартиру на 12 этаже, в которой после какое-то время жил с бывшей женой и маленькой дочкой Сашенькой, и он читал мне при свете настольной лампы Достоевского, Тургенева, Симонова и Маяковского, рождая в моем воображении яркие образы, каждый из которых готов был превратиться в песню или стать фундаментом моей жизни.

Я часто говорю себе, что раньше всё было совсем не так
 Было меньше фальши, все преграды были пустяк
 Мир был намного больше, полон тайн и любви
 Год длился гораздо дольше, и ярче горели огни
 Зимой было меньше снега, а летом стояла жара
 Было синее небо, солнце светило с утра
 Все люди были добрее, и всегда было сто друзей
 Ручьи выбегали в апреле, а листья желтели в сентябре
 И я так часто бывал влюблён сразу в семь человек
 И я засыпал утомлённый счастьем, пришедшим ко мне
 А любимые книжные герои говорили: "Ты будешь как мы"
 И я знал, что буду достоин. Я так любил этот мир

Разумеется, оттенок сентиментальности, который есть в этих стихах, был совершенно мне чужд, напротив я был жесток как роза, вонзающая шипы в протянутые пухлые пальцы. По настоящему я почувствовал себя панк-рокером уже после того, как надел футболку Напалм Дет и побрил виски. Уезжающие в Америку родственники оставили мне акустическую гитару, и в сентябре 1992 года я записался в гитарный кружок с целью разучить все аккорды песен Цоя. Проходил я туда ровно месяц и более беспонтового занятия в жизни не встречал (мы разучивали, например, романс "Очи чёрные" или песню Акуджавы про бумажного солдата). Впрочем, прервать занятия пришлось по другой причине - когда мать отдала мне деньги на следующий месяц, я их пропил вместо того, чтобы заплатить за обучение - обычный ход для тогдашнего школьника.

По настоящему я почувствовал себя панк-рокером после того, как надел футболку Напалм Дет и побрил виски. Тогда это ещё имело смысл и ясно показывало, кто ты такой, кому-то ты становился братом, кому-то врагом, обыватели брезгливо и агрессивно морщились, чувствуя угрозу, вызвали охрану местечковых магазинов и т.д. Ближе к зиме я попал вместе с Димой и другими Лисхлепистами на несколько квартирников, на каждом из которых блистала группа Резервация здесь. Именно эта группа указала нам конкретную форму самовыражения; Гражданская оборона больше влияла на мой образ жизни, чем на образ мысли. На одном из квартирников, который происходил дома у некоего Бэрри, мы познакомились с Борисом Усовым, пребывавшим, можно сказать, в эпицентре музыкальных и самиздатовских событий того времени. Оказалось, к тому же, что я живу совсем неподалеку от него в Коньково. Увидев перед глазами такого мелкого и оголтелого панка, каким я тогда являлся или старался быть, Усов позже решил меня как-то использовать в музыкальном плане и вовлёл в

репетиции групп Соломенные еноты и Брешь безопасности. Последняя, впрочем, довольно быстро распалась, и я участвовал буквально в одной двух репетициях, происходивших дома у Кости Мишина. Я даже должен был поехать в Могилев на знаменитый мифический концерт, куда меня, разумеется, не пустили бы родители.

"Брешь Безопасности" '92

Наша собственная музыкальная деятельность 1992 года после нескольких музыкально-алкогольных сессий закончилась осуществлением записи "Эксгумация", произошедшей, по-моему, дома у Захара накануне Нового года. На Новый год я наслаждался одиночеством и тоской в подмосковном санатории, куда поехал против своей воли с матерью наследующий день после осуществления записи Эксгумация. Напльвшие переживания заставили меня написать какой-то рассказ о трагической любви, а невероятно долгая, 10-дневная разлука с полноценной жизнью наделила все новые тексты, обрывки которых я раньше просто орал в чаше всего воображаемый микрофон, некоей цельностью. К тому же я посмотрел фильм Кабаре и прочитал кучу книг. По настоящему можно было и не читать книгу и не знать об ее существовании, чтобы написать текст, как это произошло при появлении текста Я буду убивать, жечь и грабить. Надо, справедливости ради, отдать долг справедливости и сказать, что все эти кровавые стремления, несмотря на их искренность, никак не мешали мне совершать долгие рейды на лыжах в компании мелкого смышленного юнца и довольно привлекательной ровесницы, запрещающей мне по мимо всего прочего ругаться матом больше трех раз за одну встречу (которая чаще всего из за этого заканчивалась через 5 минут).

Оказавшись дома при гитаре, я первым делом разучил на ней тут же написанный длинный стих Одинокый волк об одиночестве, благополучно и навсегда канувший в лету, поскольку это была лирика. После этого я разучил, как играть абсолютно все песни группы Кино, для чего пришлось внести разумные упрощения в последовательность и конструкцию некоторых аккордов. Вооруженный нехитрым багажом я вскоре вновь погрузился в предвесенний водоворот. Новым интересным занятием стало долгое простаивание в очереди к пивному ларьку, после предварительного поиска и сдачи пустых бутылок. Я был чрезвычайно мелким в плане размеров и когда через час подходила моя очередь каждый раз подбрасывалась монетка,

и если выпадал орел, мне наливали загадочную жидкость, к тому же содержащую димедрол, для "папы", если же, как часто случалось, выпадала решка, я с позором и под улюлюканье толпы изгонялся вон, но вряд ли так уж сильно от этого огорчился. Иногда монета падала, что называется, и третьей стороной, когда я встречал, например, Усова, который тогда, казалось, употреблял алкоголь гораздо больше по эстетическим соображениям и вообще считал, что интеллигент - это молодой человек, который пьет.

Преддверье весны было бурным и снежным, я вел какой-то дневник, ходил туда сюда без шапки, в синей футболке PUNK, специально присланной из Израиля, и специально разодранных Джинсах, был в кого-то влюблен. Иногда с большим боем удавалось сходить вечером на какой-нибудь концерт в клуб Два на Черемушках. Самыми веселыми днями недели были понедельник и среда - присутственные дни матери на работе. В эти часы в Коньково съезжались мои друзья, происходили репетиции, а потом все шло в гости к Усову. Приезжал Захар, часто со своей девушкой Настей, Белов, иногда Аня и мой Брат, всегда пытавшийся предать происходящему веселью хоть какую-то серьезность. Иногда посещали Костю Мишина, где как раз стал появляться Ротон. Примерно в то же время мною был услышан альбом группы Мёртвый ты Ритмы для души, во многом определивший для меня то, о чем и как нужно петь и играть.

Мишин

**Ротон
(Вадим
Зуев)**

(все группы, какие были) ("Мёртвый Ты")

В другие дни мы лабали с моим другом Денисом. В акустическую гитару вставлялся простейший микрофон, подрубаемый к электронике и можно было лететь хоть на Марс.

Гитара между тем требовала написания текстов и я продолжал их создавать сидя на каком-нибудь уроке в школе, где вторым любимым занятием было чтение взятых чаще всего у Усова книг. В то время я часто шлялся по городу, почему-то тогда чаще всего встречались на метро "Китай-город", у "Головы". Очень любил бульварное кольцо, каждый бульвар. Захар хорошо понимал, где можно дешево запитаться, если, конечно, у вас были хоть какие-то деньги. У Димы школа была на Сретенке, и мы даже пытались найти там музыкальную базу для нашей группы. Впрочем, учитель труда мигом отсеял эту возможность. В его планы входило обеспе-

читать с каким-нибудь ансамблем песню "Темная ночь" к 8 марта, я же на прослушивании исполнил композицию "В темном переулке" на манер группы Напал Дед под односложный аккомпанимент Димы на какой-то раздолбанной красной бас-гитаре.

Белов носил с собой медицинский соляной раствор, впрочем, он умел круто выпить. Где-то под Новый год они с младшим братом, известным своей песней про Гопников, грабанули какую-то палатку на ВДНХ, но пока выносили водку, успели нажраться, поперлись совершенно пьяные через главный вход и попались мусорам, но отделались условным сроком. Вообще, тема ограбления тогда стояла остро. Я взял тогда у Усова прочитать Мёртвую зону Стивена Kinga, и мне настолько понравилась книга, что я всерьез обдумывал, как бы мне разбить стекло в палатке возле метро Юго-Западная, пока она с Божьей помощью не исчезла с витрины. Усов тоже хотел чего-то там ограбить.

Довольно памятен для меня день Восьмого марта 1993 г., когда состоялся квартирник на Теплом стане, на котором произошло первое спонтанное выступление группы Лисичкин хлеб на людях. Правда к моменту вдруг случившегося выхода на сцену, а точнее на стоящую перед окном табуретку, я ужасно напился, поскольку возле метро мы купили у бабки какой-то портвейн в широкополых бутылках из под кефира. К тому же в ту пору всюду еще стояли первого поколения кооперативные ларьки, в которых участникам подобных мероприятий продавалось Аморетто.

В школе ко мне теперь относились с уважением, несмотря на мой малый рост, а сам я был, конечно же, горд своими новыми друзьями. К весне группа кое-как освоила основные навыки игры на гитарах (Захар, например, настраивал всё под Ми) и в конце апреля на компактной квартирной студии Шульца при протекции Усова был записан первый, а потом и второй дубль электрического альбома со всеми барабанами. В мае умер мой классный, рыжий и очень толстый кот Васёна, а до этого я получил

на футболе сотрясение мозга. Окончательно пришлось в это поверить, когда я разносил, помогая родителям, памятные демократические листовки Да Да Нет Да. И не смог отоварить последний подъезд девятиэтажки.

Пришлось сразу же ехать в уже знакомый мне травмопункт, а потом целый месяц торчать в Коньково практически в полном одиночестве, лишь изредка навещая Усова и тогда жившую у него Анахату, попивая разливное пиво или сухое вино и всегда прячась в тени от палящего майского солн-

ца. В школу я не ходил, а больше всего угнетало, что нельзя было читать. Помню, как за окном все позже садилось солнце, дни становились все таинственнее и летнее, а мне надо было сидеть дома или, на крайний случай, играть во дворе с младшими девчонками в "колечко-колечко, выйди на крылечко". Наконец я в последний в своей жизни раз выехал с родителями на съемную дачу. Там, отделенный от городского мира, я ходил в сделанной братом футболке "Егор" со страшно искаженной Летовской рожей за колючей проволокой, купался в мелкой, но таинственной реке, совершал дальние прогулки на велосипеде или заплывы на автомобильной камере, иногда ходил со своей мамой в походы. Я слушал Майка и Гражданскую оборону, описывал свои московские подвиги местным приятелям, которые приносили мне самогон и всячески надо мной подшучивали. В какой-то из дней я специально упрямил мать привезти меня в Москву, чтобы попасть на квартирник, где должен был выступать Лисичкин хлеб. Приехав накануне мероприятия я зашел навестить Усова, который занимался своим любимым в то время делом, т.е. пил (в тот раз с Мишиным) чай с водкой и поджидал какую-то девушку для охмурения. Девушка, однако, оценив обстановку, не решилась надолго задержаться в квартире. Ее пошли провожать, а точнее довели до магазина, в котором продавался портвейн.

**...пил чай с водкой
и поджидал какую-то**

**девушку для
охмурения.**

Купив портвейн, девушка с облегчением удалилась, а меня полностью развезло так, что дома я долго блевал и мне зачем-то вызывали скорую, а потом неотложку из детской поликлиники. О концерте пришлось забыть.

Новый учебный год был странным и дождливым, мы стали старшеклассниками - и это было каким-то новым безбашенным ощущением. И хотя последнее лето детства наступило для меня только через год, что-то поменялось и стало чуть-чуть менее беззаботным чем раньше. Какой-то этап подходил к концу, и начинался новый. Поскольку по химии меня перевели в следующий класс условно, мама записала меня на химический кружок в Дом технического творчества молодежи на Шаболовке, куда до этого я два года ходил на курсы программирования. Меня угораздило попасть к старому фантазеру профессору, преподававшему коллоидную химию группе красивых десятиклассниц из Марьино. В свое время я частично описал эту интересную часть моей жизни в Вещих струнах, теперь же, с высоты прожитых лет, вижу, как сильно это повлияло на мое будущее, так как в результате я стал химиком. В то время я писал какие-то тексты, шлялся везде, кроме школы, был влюблен как минимум в семь человек, читал книги. Происходили репетиции и делалось еще миллион вещей. Помню, я играл в футбол в коробке за домом, когда произошел захват Останкинской телебашни. В то время я считал себя коммунистом, но должно быть не таким

ортодоксальным, чтобы идти на баррикады. К тому же меня напрочь не пустили родителям. Поэтому я наблюдал расстрел Белого дома по телевизору, за пакетом поп-корна, в отличие от моего брата и Захара. Однако было понятно как дважды два, что возвращение назад ни к чему хорошему не приведет. Надо сказать, что к Ельцину я всегда относился с симпатией; надо отдать должное старику, ведь именно он пытался подарить стране свободу и демократию.

Чуть позже Захар повел меня осматривать места боевой славы, но я опять же воспринял это с краеведческих позиций, а может, такова была позиция Захара. Дима воспринимал всё более серьёзно и примерно в то же время попал в психиатрическую больницу, из которой его с боем выкрали прямо в тапочках Усов, Захар и Белов.

Поздняя осень была довольно мрачной, я посещал всякие химические занятия, репетитора по математике, с огромной неохотой ходил в школу. На мой день рождения зашли Дима, Белов и Захар. Мои родители выгнали

... Дима воспринимал всё более серьёзно...

их при помощи соседей, причем ботинки Белова вылетели в окно, но к счастью потом нашлись. Я находился в изоляции и просто сидел в своей комнате, разглядывая потолок под завывания ветра.

В этот момент состоялся концерт в клубе на Новых Черемушках. С трудом удалось отвязаться от родителей, однако я жутко боялся и орал тексты по тетрадке, сидя на стуле. Вначале великолепно выступили Соломенные еноты. У нас на барабанах сыграл Ротон, который перед этим довольно отыграл свою программу, безбожно выдувая хрипы на саксофоне. Надо сказать, что хотя я в то время мало чего страшился, но вот от необходимости собственных выступлений меня начинало трясти задолго до их начала. Именно поэтому многие из них не удавались вследствие сильного опьянения. Дело в том, что в глубине души я знал, что все сделано недостаточно хорошо.

К концу года пришлось испытать новый кризис, поскольку я попал в больницу. Гитару с собой мне взять не разрешили, было жутко тоскливо, один раз приезжали навещать Дима с Захаром, как всегда спешившие с одного невероятного места на другое. Начиная с больницы вновь какой-то прилив энергии охватил меня, и началось написание текстов к новым альбомам. Запомнился день выхода из больницы, где я пролежал три недели. Помню как вечером я заходил к бабушке с дедушкой и долго кидал снежки по машинам у дороги, а потом посмотрел фильм Джентельмены удачи с любимым актером Евгением Леоновым, умершим примерно в то время. На Новый год мы опять поехали в санаторий, который назывался "Поречье". Запомнилось, как я посмотрел фильм Проверка на дорогах и написал песню Полицей, но в основном играл в пин-понг и как всегда страдал от одиночества. Кроме того, в феврале я некстати второй раз ткнулся головой и до наступления весны неделю обуреваемый тоской проторчал дома. Иногда происходили репетиции и готовилась программа "Марша шагающих экскаваторов". Еще я зачем-то подписался делать доклад на молодежной научной конференции в Доме научно-технического творчества и на студенческой конференции в МИТХТ. На последней я занял второе место и даже получил за это какие-то бабки и занимательную книжку по коллоидной химии. Все это время я читал какие-то невъебренные химические книжки, трехтомник по биохимии и ещё кучу всякой литературы.

Иногда удавалось выпить с друзьями портвейна после репетиций, происходивших главным образом у меня дома. В марте принес домой запаухой маленького котенка Прохора, который быстро подрос и окрысился. Вначале я пытался дать ему достойное музыкальное воспитание - подолгу играл Убей себя в праздник, проводил беседы, но в отличие от Васены, с которым можно было беседовать совершенно на равных, этот кот ровным счетом ничего не понимал.

Если сейчас найти и взять в руки эти альбомы Марш шагающих экскаваторов и Очередная весна, то каждая песня принесет свои воспоминания, каждая песня написана по своей причине. Иногда причина могла быть сов-

сем случайной, как например услышанное в разговоре между по-моему Беловым и Усовым упоминание о пожаре в Сиднее. Это могли быть целые прочитанные книги, как в песнях Когда закончится война, Африкан Семенович, Град обречен и т.д. Смешная фраза, типа - поговори со мной Пузыльным голосом, или просто хорошее настроение, вызванное своими особыми причинами, как в песне Сегодня хороший день, а иногда и злость на весь мир.

Наконец наступила весна. С приближением весны каждое прикосновение ранило меня как упавший телеграфный столб, к тому же я в кого-то там влюбился. Как всегда шлялся по городу. Выходил на станции Кузнецкий мост, с ненавистью смотрел на витрины, на гопников, на теток и мужиков; с любовью - на рыхлые сугробы, ручейки, солнце, пивные бутылки и осколки. Шел и напевал песни Инструкции, какие-то стихи все время лезли в голову.

Незадолго до записи двух альбомов у Шульца, которая по времени заняла немногим больше двух часов, я повторно встретился и в результате крепко подружился со Спонсором, который, надо сказать, оказал на

Жизнь à la Sponsor

меня большое влияние в т.ч. и в алкогольном плане, а по другому говоря, которого я по его образному выражению спойл (и причем на его деньги). В прогулках и прогулах школ мы проводили с ним долгие беседы или, ради любопытства, шли кого-нибудь обувать. Жизнь в описаниях Спонсора всегда представляла передо мной словно живая. Спонсор с многочасовым увлечением описывал свои невероятные приключения, наполненные бандитами, ворами, гопниками и проститутками. Подолгу мы беседовали и о смысле жизни, о том как жизнь бессмысленна, о том как мало в ней смысла и о том, что смысла почти нет. Спонсор был настроен трагически в своих философских построениях, на деле же я не знал более веселого и благодушного человека, одновременно и умудренного, и разворошенного собственным наполовину придуманным, но оттого не менее ценным опытом.

Из того времени запомнился концерт в Ангаре, где тогда работали сторожами Ротон, Усов и Толик из Купавны, и который явился предвестником музыкально-краеведческого освоения городских территорий, в которое впоследствии была вовлечена группа Лисичкин хлеб.

Наступившее лето 1994 г. было странным алкогольным и плодотворным. Оно пришло, сопровождаясь как обычно майскими дождями и было интересно тем, что я впервые проводил его в городе, если не считать поездки с Матерью в Ленинград и 10 дневного отдыха в пансионате на Пялковском водохранилище, там, где через много лет я отдыхал потом со своей будущей женой. А в то лето я работал на газетах, т.е. зарабаты-

**И теперь
только кот,
понимает
меня
он один.**

вал себе деньги, таская газеты со всей Москвы на газетную точку своего знакомого. Приходилось вставать чуть ли не в пять утра, ехать в оптовые киоски, ждать в очередях, заезжать во всевозможные редакции. Я все время общался с какими-то людьми, выслушивал истории, захлебывался от собственных ощущений, тосковал от одиночества, писал стихи и тексты, бухал, поглядывал на девушек и смотрел чемпионат мира по футболу. На заработанные деньги я сумел купить баскетбольный мяч и белый трехтомник крайне мной любимого С. Довлатова и довольно много алкоголя. Я слонялся целыми днями по знойному городу, ощущая себя совершенно свободным и одиноким, и эти дни вспоминаются для меня почему то как последнее лето детства.

В июле мы осуществили видеозахват песен с помощью моего газетного босса, а раньше просто товарища по детским шалостям, Сергея Усыченко. Будучи известным провокатором, хотя и неплохим человеком, он запустил копию записи среди моих классов, это вызвало в их среде глубокое недоумение, вряд ли им была понятна из всего хотя бы одна строчка, поскольку все они были написаны о знакомых им предметах с совершенно неизвестными им мыслями и чувствами, только и всего. Зато позже Дима сделал обратный ход, он использовал Серёгины записи с Первого сентября для создания видеозаписи под названием Новые полицаи, но это было несколько позже - следующей зимой.

Вскоре были накоплены тексты для нового альбома с простым названием - Последнее лето детства, песни с которого не дают мне забыть о прочитанных чуть раньше книгах Воннегута, Эренбурга и братьев Стругацких и миллионах ощущений того времени. Запись была осуществлена при поддержке Юры Поповского, который чуть позже тотально заразил нас идеями ЗАИБИ. На басу подыгрывал Экзич, но если честно, это была безобразная по подходу к игре запись, выжившая только за счет хорошего песенного материала, четкой бас-гитары и Захаровского флэнджера.

Под конец лета вышел наш лучший альбом Завтра снова будет сегодня. Это случилось уже после концерта в движении F, в котором я участия не принимал и после смерти выдающегося музыканта и поэта Ротона, творчество которого вряд ли когда-нибудь потеряет для меня смысл и актуальность. С Ротоном я в то время общался мало - я был очень сильно ограничен в своих перемещениях и действиях. Видел его довольно часто предыдущей весной, а затем осенью и зимой у Усова, у Кости Мишина. Один раз они даже заходили ко мне с Усовым прослушать какую-то пластинку Мисти ин рутс - у меня стоял работающий проигрыватель.

Ротон был человеком сильным, талантливым, музыкальным, не унывал, знал, что делать в разных ситуациях, часто любил повеселиться, иногда

приносил другим при этом некоторый ущерб. После Тюмени Москва, должно быть, представлялась ему многоярусным круглосуточным ипподромом, где расплачиваться приходилось великолепными песнями, однако гадов всюду тьма. Как полчище саранчи, они проедают любую железную дверь. От них не спрячешься, если играешь в открытую игру. И вот его замочили на Левом берегу ближе к концу лета, в середине августа... Уже в декабре у Усова появились черновые записи, сделанные Ротоном у Эвелины. Акустические песни с этой записи я до сих пор иногда напеваю про себя и прихожу в себя с их помощью.

Наступил новый учебный год, и я стал совсем уже старшекласником. Этот год поистине стал годом пьянства и годом музыкальных групп и проектов. Отдельные пьянки сами по себе заслуживают описания в отдельном рассказе. Особняком стоят пьянки со Спонсором, который в середине года угодил в психушку, а также пьянки на подготовительных курсах в институт, происходившие с размахом, достойным лучшего применения. Обе линии под конец учебного года обрели такой размах, что почти сравнились по масштабам с пьянками, происходящими на фоне музыкально-краеведческой деятельности. Кроме того в школе у меня появился верный друг-алкоголик Антон Павлов, который всегда готов был прогулять урок, если конечно раньше меня не перехватывал Спонсор, с которым мы проводили все свободное время в подвалах Коньковских многоэтажек или за оградой детских садов, всегда с гитарой, напитками, окруженные толпой охуевших хулиганов, местных женщин-вамп и персанажей, теряющих свое место в жизни. Все остальное, хоть сколько-нибудь оставшееся время я тратил на репетиционные игры в различных группах, многие из которых теперь даже тяжело вспомнить.

Почему-то именно в это время я решил пуститься во все тяжкие подростковые грехи. Мои ровесники что называется готовились поступить уже на высшие женские курсы, а я часами мог просиживать в подвале с самыми обыкновенными гопниками, гулять с какой-то беспонтовой девчонкой, посвящая ей стихотворение за стихотворением, каждое из которых повергало её в глубокий ужас. Вместо того чтобы готовиться к институту, к которому, как позже выяснилось, и так можно было не готовиться, я тотально прогуливал занятия. У меня был самый высокий рейтинг прогулов во всех 11 классах, и Спонсор вам это подтвердит. Этот вообще был

под конец учебного года выгнан сначала из одной, а потом и из другой школы. И именно его я имел в виду в песне из репертуара группы Нож - Первопрестольная, со словами: "Учиться у меня не получалось, из школы выгоняли восемь раз, по вечерам с ребятами шаталась по улицам, в подвалах, во дворах". Хотя все ж таки, она видимо была написана про эту злополучную Люду (и поэтому так хорошо подходила Наташе Сухаревой), поскольку дальше шли строчки: "Гуляла с кем-то, с кем-то целовалась, и напивалась водкой и вином, по вечерам с ребятами шаталась, не думая при этом ни о чём".

При этом я имел лишь туманное представление, что испытывают девчонки, когда где-то там шляются, и скорее это всё были бесконечные метафоры или что-то там еще. Вообще, отношения с девчонками были у меня довольно сложные, но это давало мне повод лишний раз погрузиться и заняться делом. Впрочем, о девчонках речь в этих мемуарах будет идти своим чередом.

В целом, были две организованные женские группы - Нож и Сирены титана. В первой пела довольно смазливая, но, честно говоря, повергшая меня в немалое сомнение по поводу своей компетентности, Наташа, которая впервые была продемонстрирована коньковской общественности (т.е. нам с Усовым) на дне рождения Белова. Первая, написанная от лица девчонки, песня появилась уже в конце августа на альбоме Лис.Хлеба в результате моего августовского увлечения необыкновенно красивой грузинской княжней, которая зачем то влюбилась в моего друга гопника. Я же в свою очередь оказался объектом любви другой, не менее симпатичной, но конечно уступавшей княжне, десятиклассницы, с порезанными запястьями, которая таскала меня на дискотеки. Все это нисколько не мешало мне чувствовать полнейшее одиночество, ощущать себя по обыкновению Чай Горьдлом (по выражению матери, сам-то я его никогда не читал), а также до одурения играть в бадминтон и пинг-понг.

Экзотическое зрелище обычного времяпровождения русской молодежи чрезвычайно вдохновило меня. С трудом вспоминается, как (и для каких целей) были написаны другие (столь же незамысловатые) песни с этого альбома, однако многие названия говорят сами за себя. Пена дней выдает

нескрываемую любовь к Борису Виану, Багрянец России не имеет отношения ни к девушкам, ни к России, а скорее к одноименному красному вину, после которого сразу забываешь про Россию и вспоминаешь про девушек. А к Рудкинской песне я честно говоря относился с подозрением, несмотря на глубокое восхищение Бони и Клайд. Несмотря на концептуальные проекты и пьянство, группа Лисичкин хлеб по-прежнему репетировала свои программы.

Помнится в сентябре был многолюдный квартирник в Бутово, где выступала также обаятельная группа Огонь. Хлеб сделал запись - Новые полицаи, а затем в начале 1995 г. появилась запись у Захара. В каком-то смысле этот период был переходным, песни стали труднее рождаться на свет, поскольку я стал больше задумываться над тем, что пишу. Впрочем, может быть это и было ошибкой, но по крайней мере, каким-то движением вперед. Дима, мой старший брат, всегда был главным зачинщиком наделения текстов смыслом, зачастую он предлагал всякие образы и тему, разрабатывал оформления и аранжировки еще не существующих альбомов и каждый раз ставил перед необходимостью написания какой-нибудь новой песни. К сожалению, я не мог залезть к нему в голову, чтобы до конца себе это представить. Многие темы в результате странно искажались, как например песни Завтра снова будет сегодня, Бей буржуя, Чужая беда. С загадочным сюжетом песни Башня птиц, я хоть убей, ничего поделывать не мог, поскольку не представлял себе, что это за башня, что делают собравшиеся там птицы - я не читал этого рассказа. Только сейчас.

Башня Птиц

прочитав рассказ Филиппа Дика про ангельских птиц или прочитав Мураками, я могу себе представить эту башню. Птицы сидят и ждут сигнала, как прилив и отлив моря. Одни превращаются друг в друга, другие в людей, третьи, кажется, спят, и везде эти белые перья как в какой-нибудь голубятне. Вокруг башни поля, бесконечные зеленые луга, как у Стругацких или у Шефнера... Однако многие затеи действительно удавались, как,

например - марш шагающих экскаваторов.

После первого альбома группы Нож Пена дней, песни ко второму собирались с трудом, под сильным давлением общественности, но были гораздо качественнее. Один романс получился столь задушевно, что понравился не только мне самому, но и Кате Фаустовой - главной вокалистке Ножа и, прямо сказать, замечательной девушке, к сожалению, как и все мы, страдавшей (а скорее наслаждавшейся тогда) чрезмерной страстью к напиткам. Активным двигателем возникшей репетиционной суеты был Захар, которому надо отдать за это должное. Помимо прочих важных дел он протезировал в то время Лену Володину, к которой я относился с большой симпатией, даже несмотря на то, что ее вокальные данные были далеки от Бьерки, Жанны Агузаровой и Сьюкси. Зато она умела перекричать последнюю электричку и хорошо спела на чуть ли ни единственном концерте Сирен - квартирнике у Ани, которая, конечно же, была активным участником всех групп и жизни, как его называл Усов, Формейшена.

**Лена
"LV"
Володина
("Сирены
Титана")**

Прямо можно сказать, что мое представление о девушках было довольно туманным, полным доброжелательности, интереса и страха. Очень удачно вышел третий альбом Ножа, кое в чем похожий на американские альбомы Шумова, многие песни же ко второму альбому фактически были созданы под ножимом брата. Например, оба они с Захаром очень долго терзали меня советской песней Мальчишкам я завидовала с детства. Ведь в моем представлении, девчонкам неплохо жилось на свете, потому что они были красивые, за ними все носились, поили их бесплатно вином и рассказывали смешные истории. Удачной оказалась песня До 16 и старше, а песня про Зубного в вольном стиле описывала произошедшую у Димы встречу с одноклассницей в зубном кабинете. Ни в какие ворота уже не лезла песня с припевом Банзай Россия-матушка, вперед, которую по пьяни просто на просто забыли записать.

Я потому так много места уделил здесь группе НОЖ, что это было наиболее веселое совместное времяпровождение. Пожалуй репетиции служили лишним поводом, чтобы встретиться с друзьями. Достаточно сказать, что у состава, в котором пела Катя Фаустова, при мне никогда не было ни одного концерта, но это ничуть не умаляет ее важности и гениальности.

В феврале Спонсор угодил в психиатрическую больницу со своим заи-

Катя Фаустова (НОЖ-2)

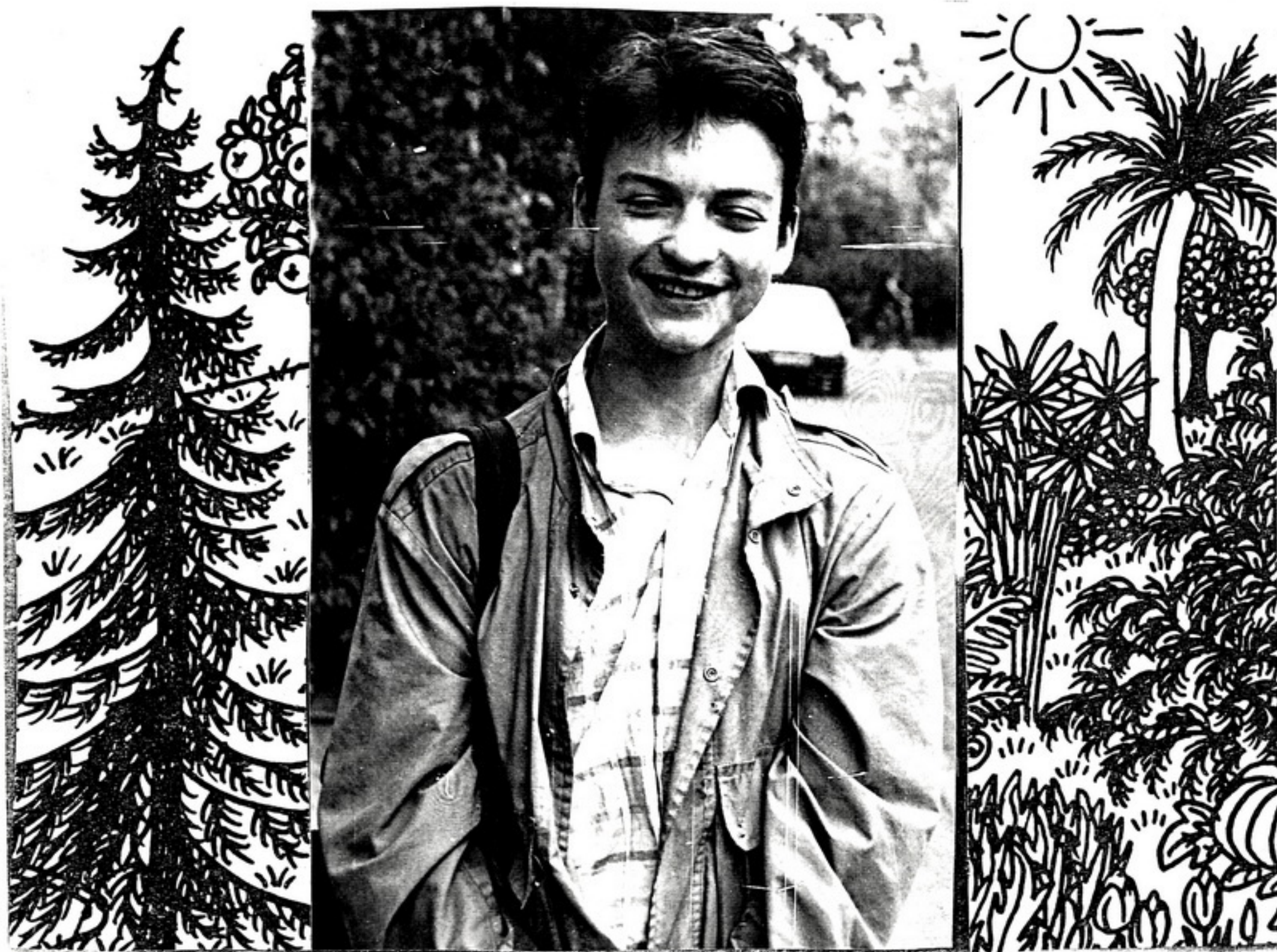
Я родилась в Москве первопрестольной...

канием. На выходные его отпускали домой, и мы с ним предавались музыкально-алкогольным гуляниям. В описаниях Спонсора даже психиатрическая больница представляла перед моим внутренним взором таким замком аттракционом. Может быть на деле он не имел таких ощущений, но его заикающийся язык превращал каждую мелочь в необычайное путешествие. Правда как раз в ту пору, пытаюсь избавиться от заикания, он разучивал различные стихи, в том числе и собственного сочинения, и декламировал их в каждую свободную минуту с несколько гипербололизированным апломбом. Две великолепные песни вышли к тому времени из под его пера - Тишина, посвященная его загадочной Любви к Коровенковой и В том месте, где танки танцуют ламбаду. Смысл обеих песен был в общем-то довольно ясен, прост и доступен основной массе, но те слова и выражения, которыми пользовался Спонсор для передачи своего настроения, ставили эти его произведения на высокий уровень: "Душнота, душнота, словно в воздух свинец занесли", "И теперь только кот, понимает меня он один". Мы вечно сидели, пока не прошли холода, на какой-нибудь чёрной лестнице, непрерывно курили и наперебой обменивались какими-то мнениями, стихами и рассказами. То была интересная пора...

Хотя мои силы и расплылись на пьянство, их было все еще слишком много. Однако после концерта в Твери, записи на работе у Захара, концерта в Смоленске и, в каком-то смысле, записи у Лешего в декабре 1995 этот песенный этап был для меня окончен. Был возможно шанс записать и альбом дома у Усова, где стояла хорошая аппаратура, но вследствие взаимных конфликтов эта идея сорвалась. Окончательно все стало сходиться уже в 1996 г. на нет после концерта у Спонсора в колледже, выступления на фестивале Фашистов и буржуев на хуй в ДК МГУ, фестиваля фестивалей на Красногвардейской, концерта на Каркасах, и в конце концов выступления вместе с актюбинцами во МХАТе. Но обо всем этом позже. Тогда же,

летом 1995 г. я написал экзамены в институт, работал на ярмарке, пьянствовал и писал книгу, которую тут же и придумывал. Верхом пьянства стали последние дни августа и церемония посвящения в студенты, кроме того, посмотрев фильм "Потерянный уик-энд" я испытал в некотором роде белую горячку, находясь в гостях у Арины и Усова, когда увидел маленьких Арининских тараканов, похожих на муравьев.

Под конец августа мой добрый знакомый металлист, у которого я одно время пытался играть в группе на барабанах, пригласил меня к себе на дачу под Тверь. Одно я могу сказать точно - никогда, ни до ни после этого я так не бухал, а значит, я не зря потерял свое время, возвращаясь вместе с первыми доярками на рейсовом автобусе, за десятку свернувшем на проселочную дорогу, после 12 км перехода за водкой в ближайший лабаз, или бухая уже вечером в лесу на каркасе автобуса, не весть каким образом застывшего посреди деревьев, и сидя в кругу отборнейших местных хулиганов, а затем попросту свалившись в пруд и очнувшись совершенно раздетым в каком-то сарае. Уже через день, я выпил всю водку, которую нес бывшим одноклассникам, в подвале палеонтологического музея с хранителем - бывшим металлистом, почитателем Пелевина, показавшим мне доисторических тульских тараканов размером с крабов и подчивавшим меня, за неимением другой жидкости или припаса, промаринованным чесноком. О посвящении в студенты вспоминается только, что я проснулся уже утром (и пошел к палеонтологическому музею). Так прошло мое детство...

ПРОДОЛЖЕНИЕ

У НАС!

**В СЛЕДУЮЩЕМ
НОМЕРЕ...**

Лисичкин Хлеб на Каркасах, 1996.

В центре - Аня Англина.

М А С С О В К А

Крайняя нерегулярность нашего рок-лектория, призванного объяснить рабочей и учащейся молодёжи правила написания песен, а также всю пошлую никчёмность этого паскудного дела, с лихвой компенсируется зарядом здар-ровой злобы, которую он (лекторий) в себе несёт.

Если уподобить его Мотре, то первым делом он растоптал бы малюток "Космос Земли". Если сравнить с Амитабхом Баччаном, то он бы сразу разбогател и, отгородившись от мира высочайшей стеной, остаток своих дней жил бы, "охренев от разврата и роскоши". "Да ну нафиг!" - молча пожмёт плечами какой-нибудь добрый и славный малый: он будет и прав, и не прав. Ни Мотра, ни Баччан, конечно же, так по жизни не поступают. Но это лишь оттого, что им никогда не приходится сталкиваться с тем диким пещерным ужасом, на войну с которым редакторат тратит, за неимением лучших, средние и худшие годы жизни. Мы говорим, как вы уже поняли, об исполнении песен под музыкальный аккомпанемент, а если смотреть на вещи шире, то и о музыке вообще - любое сочетание нот по определению является хуйнёй.

Вот оттого-то, мгновенно осознав нашу аксиоматику, смекалистые парни из предместья и перестали посещать семинар, а, следовательно, отпала всякая надобность в регулярном его проведении. Но иной раз, встречая в очереди за пивной пушниной (?) кого-нибудь из бывших студентов, поневоле натыкаешься на его колючий, усталый взгляд: "Что, и впрямь нельзя сочинить высокохудожественную песню?"

Можно, мой несчастный брат, недоучившийся уму-разуму, никогда и в глаза не видевший Уму Турман! Скрепив железным стэпплером нервные клетки глаз, говорим тебе, можно, если учиться на классических образцах (или, наоборот, ничего такого не зная). В качестве безоглядно положительного примера уместно будет привести здесь полный текст песни Олега Суркова "Массовка"; уже не первый год она заслуженно возглавляет

все возможные рейтинги и, как мы все сейчас убедимся путём её построчного анализа, возглавляет не зря. Все знают этот гимн наизусть, но, боюсь, не все в состоянии осознать, о чём и какими словами там поётся.

Хотя наш семинар и посвящён исключительно поэзии в стиле "рок", т.е. именно текстам, хотя мы и считаем любое упоминание музыки признаком некомпетентности и убожества, в отдельных случаях нам придётся обращать внимание и на некоторые исполнительские штуки. Этого требует специфика тщедушного жанра; почитайте на бумаге любую текстуру Цоя, Дркина или Циммермана и вы, поразившись тому, какая это белиберда, охотно признаете правоту юберменша Артемия Троицкого: "Рок без исполнителя - мёртв".

Здесь, чтобы в дальнейшем не путать аудиторию ненужными ей материями, сразу скажем, что текст Суркова поётся на широко известные и ребёнку аккорды песни Егора Летова. Не являясь, ибо он слишком серьёзен, пародией на "граждань", нехитрый этот распев, однако, моментально вводит слушателя в насмешливо-истерическое ожидание неминуемого делириума. Видимо, слишком уж много мы переслушали летовского графоманства в детстве, иначе как объяснить, что любое состояние истерии нам до сих пор легче всего выразить именно цитатой из "Обороны", зачастую искажённой и издевательским образом трансформированной. "Я люблю говорить о Пандоре и железный занавес на красном фоне", "На первое были плоды прощенья, на второе - кровавые мальчики, а на третье? Егор, немедленно скажи, что было на третье?!", "Ходит дурачок Колесов"... Перечень ситуаций, в которых возможно кстати цитировать Летова, легко продолжить; когда-нибудь мы намерены вернуться к этой интереснейшей теме. Пока же...

Перед вами "Массовка"!

С БЛАГОВЫМ ВОЛОДЕЙ ШЛИ ПО АРБАТУ. Первая же ударная строка сразу вводит нас в ожидание тревоги: куда шли, чего же им дома-то не сиделось, почему по Арбату, какой нормальный человек вообще станет ходить

**Как
массовка,
так
и я!**

по Арбату, что станет дальше с этими новыми, но уже полюбившимися нам героями? У незнакомых с Вовой Благовым (а знают его единицы!), помимо всего прочего, отчаяние усугубляется терзающим, как судьба кузнецовского брата терзает Ростощкого, их на протяжении всей песни вопросом: "Кто такой Вова Благов?" (Эту реплику мне как видному пропагандисту песни "Массовка" приходилось слышать миллионы десятков раз.)

ГОРОД УТОПАЛ В ВОРОВЬИНОМ ГАМЕ. Даже неискушённый в поэзии человек будет вынужден признать абсолютное совершенство этого поэтического образа. Строка уверенно встаёт в один ряд с "Машенька, я никогда не думал, что можно так любить и грустить", "Мир состоит из Окуджав, а все остальные ещё того хуже", "Водку будешь? - Нет, не буду! - Может, будешь? - Ладно, буду!" и прочими классическими коннотациями, без которых не является таковой мировая культура. Если бы Сурков ничего, кроме этой строки не написал, он и тогда навечно бы остался в истории. При этом в контексте песни строчка несёт утилитарный характер: объясняет нам обстановку и окружающий пейзаж настолько убедительно и точно, что в дальнейшем все описательные моменты попросту не необходимы.

ТУТ НАМ ГОВОРЯТ: "ЗДРАВСТВУЙТЕ, РЕБЯТА! НЕ ХОТЕЛИ Б ВЫ РАСКУРИТЬСЯ С НАМИ?" Поражает кинематографичность мышления, и вообще-то свойственная поэзии Олега Суркова ("Тишина - Гришу спугнула луна, тишина - он сиганул с валуна"), а здесь доведённая до крайней точки: в четырёх коротеньких фразах поэт успевает познакомить нас с персонажами, воссоздать для нас природу и город, и более того - создать напряжённую конфликтную ситуацию. Почему напряжённую? Потому что речь идёт о наркотиках, и значит, трагедия неизбежна. Пока автор, хорошо знакомый с правилами детективной интриги, не сообщает нам, наркоманы наши герои или нет. В любом случае, последует ли далее столкновение наркоманов с наркоманами или наркоманов с ненаркоманами, ясно: ничем хорошим кончиться это не может!

ОВОА НЕ ПОВЕЛСЯ, ВОСКЛИКНУЛ: "ВРЯД ЛИ!" Пока ещё мы не слишком много знаем о Воле Благове. Но что-то настораживает, и настораживает нас слово "воскликнул", которым автор определяет манеру Благова разговаривать. Если на душе у человека всё в норме, то с чего бы ему нервничать и орать? Почему спокойно и вежливо не отказаться от предложенной - спору нет, весьма вредной! - затеи?

А Я СПРОСИЛ: "- РЕБЯТА, ВЫ КТО?" "- ОТВЕТИМ. МЫ ИЗОБРАЖАЕМ МАССОВКУ В ТЕАТРЕ, ВЫШЛИ ПОКУРИТЬ ПЕРЕД АКТОМ ТРЕТЬИМ." Этот сильный фрагмент также говорит нам о многом. Прежде всего он выгодно характеризует автора как вежливого, внимательного к окружающим паренька, противопоставляет его грубияну-неврастенику Воле. Но далее автор с горечью констатирует: язва наркомании, как прежде, так и теперь, особенно распространена среди людей творческих профессий, богемы. Как видно, этот недуг поразил и встретившихся герою ребят. В том, что они говорят правду и являются театральными работниками, не возникает сомнений, настолько убедительно звучит их, пусть неправильная, но такая живая речь: "Изображаем массовку!" И, видимо, не случайно нарики подвизаются в своём театре на третьих ролях: более серьёзного дела начальство бы им не доверило. Далее: как мы узнаём, ребята вышли покурить перед третьим актом. (Этим циничным словом рабочие сцены именуют отделение пьесы.)

Однако, из дальнейшего развития событий нам станет ясно: парни дислоцируются во МХАТе. Как, как смогли они за короткий антракт между действиями попасть из МХАТа (!) на Арбат? Объяснение здесь может быть только одно: ребята курили свою дурь (хорошую вещь "дурью" не назовут!) и перед первым "актом", и перед вторым, и до того, а возможно, и по ходу самого спектакля. В таком изменённом состоянии контуры пространства действительно могут расплываться, деформироваться, время также течёт неправильно, порою вспять; налицо явление, которое медики назы-

Как массовка, так и я!

вают "расстройством сознания". Однако ребята ещё держатся на ногах и сохраняют способность к взаимному диалогу, что выражено в категорическом императиве: "Отвечим!"

Повторяющийся через каждые восемь строк мелодичный припев "КАК МАССОВКА, ТАК И Я!" давно уже стал крылатой фразой, в которой Олег Сурков ставит непростые вопросы свободы воли, взаимодействия личности и общественного мнения, отдельного "Я" и коллектива, короче, всё то, обо что десятилетиями ломали дурные головы лучшие экзистенциалисты мира. И сам честно и напрямую решает эти вопросы: "Как массовка - так и я!", косвенно цитируя неопубликованную работу русского философа Василия Барабанова-Скворцова "Не говори индивид - говори организация!". Надрыв, с которым автор констатирует свою максиму, как нельзя лучше говорит о выстраданности его выбора.

РАСКУРИТЬСЯ Я БЫЛ СОВСЕМ НЕ ПРОТИВ, ВОВЕ ЖЕ СВОЁ ТРАТИТЬ ВРЕМЯ ЖАЛКО. Образ Вовы Благова постепенно начинает нравиться нам всё меньше и меньше. Не секрет, что у подлых и корыстных людей существует паскудная привычка оправдывать своё нежелание пообщаться (оказать финансовую помощь) нехваткой времени. Вспомните Рудкина, Репьёва, Григорьева, список можно продолжить до бесконечности. Они корчат из себя заядлых работников, крайне деловых бизнесменов, а по сути своей они - паразиты и дармоеды, свидетельство вырождающегося генофонда, позор нации. Неужели и Вова Благов один из них?

Как массовка,

так и я!

**Тут все
притормозили
на повороте**

ТУТ ВСЕ ПРИТОРМОЗИЛИ НА ПОВОРОТЕ, "БЕЛОМОР" ДОСТАЛИ И ЗАЖИГАЛКУ. Поражает, да что там, вызывает здоровое чувство зависти внимание автора к деталям. Я не знаю ни одного современного поэта (за возможным исключением Димона Никифорова), который не забыл бы упомянуть, что ребята "достали... зажигалку"! Казалось бы, мелочь. Но именно из подобных мелочей и складывается подлинное реалистическое искусство.

ОВОА, УСМЕХНУВШИСЬ, СКАЗАЛ: "ЗАРАЗА! ДРУЖБУ НАШУ ПРОДАЛ, ПОЙДУ ПИТЬ ПИВО!" Здесь Вова Благов предстаёт уже не просто дураком, у кото-

рого не всё в порядке с нервами, но человеком, так и не вышедшим из инфантильного состояния догуманной стадии развития характера, а говоря человеческими словами - законченным негодяем. Так и видишь перед собой наглую кривую усмешку Благова, его искажённое злорадством ехидное лицо: "Пойду пить пиво!" Ясное дело, если бы у него отсутствовали финансы на пиво, он позиционировал бы себя совсем по-другому. К сожалению - автор с печальной скорбью констатирует мировую несправедливость - у таких, как Благов, денюжки водятся всегда.

А МНЕ ЗАДУЛИ ТРИ ПАРОВОЗА СРАЗУ. И СТАЛО ВСЕ ВОКРУГ, КАК В ИГРЕ "UNREAL". Мы анализируем здесь первый вариант исполнения шедевра. В более поздних версиях название уподобленной укуренному состоянию компьютерной игры (как и сопровождаемая инициалом фамилия давшего автограф деятеля культуры, см. дальше) может варьироваться. Смысл песни от этого не меняется, но нам приятно ещё раз подчеркнуть мобильность Суркова как поэта, способного зарифмовать что угодно и с чем угодно.

ПОМНЮ, КАК ПОТОМ В СВЕТЕ ЛАМП БЕЗУМНЫХ... Каждый, кто, пускай в далёком детстве, посещал МХАТ по-трезвяку, знает, что нет в этих светильниках ничего особенно жуткого - лампы как лампы. Но не так воспринимает их лирический герой Олега Суркова. Расстройство мозговых функций прогрессирует, обычные предметы быта вызывают в нём неадекватное чувство страха, мир кажется опасным и лишённым привычных логических связей местом.

Я ПИНАЛ НА СЦЕНЕ КАКИХ-ТО ГАДОВ. Внимательный слушатель несомненно задумается над этой строкой. Кого именно пинал на сцене Олег Сурков? До какой степени торкнула ему выкуренная анаша? Были ли те, кого он пинал, драматургически обусловленными всем развитием пьесы отрицательными персонажами? Или же Сурков, не помня себя, считал гадами всех, кто поимел несчастье попасться ему на пути? Возможно, интоксикация обострила в нём этическую чувствительность; мы знаем, что в изменённом состоянии человек склонен к крайностям.

НА МЕНЯ ОРАЛ МУЖИЧОК БЕЗЗУБЫЙ - ТО ЛИ ЧЕРНОМОР, ТО ЛИ МАРМЕЛАДОВ. Олег Сурков затронул крайне важную тему кризиса современной культуры вообще и театральной жизни как её части. Давно ли вы бывали в театре? Не является тайной, что определённый кризис сценического искусства, целый сонм условностей, заслонивших собой сам смысл происходящего перед зрителями, вызвал у широких масс реакцию отторжения, неприятия этой древней разновидности зрелищ. Что говорите вы, когда бешеный пьяный Белокуров, работая на публику, на пустом месте устраивает семейные разборки или, подражая актёру Вдовиченкову, пытается изобразить эпилептический припадок? "- Театр какой-то!" Рекомендации по поводу вывода театра из тупика подробно изложены во втором номере нашего журнала в работах таких крупных теоретиков, как Молодняков и Фомин. В свою очередь, Олег Сурков, также чутко реагирующий на тупиковые культурные варианты, методом утрированного гротеска заставляет нас почувствовать всю нелепость "условнейшего из искусств". И, поскольку Сурков продолжает придерживаться реалистического метода, не случаен выбор сценичес-

ких персонажей, оравших на него - действие-то происходит во МХАТе! Кто же, если не Пушкина и Достоевского, должны представлять в таком серьёзном учреждении?

Я ОЧНУЛСЯ УТРОМ ОДИН ВО МХАТЕ. Существует неверное мнение, что суть группы ПАЛЕВО - проповедь употребления наркотиков. Это безусловно не так. Прослушайте унылый рефрен "Ля-ля-ля" в песне "Целый день без передышки я раскуриваю шишки", почувствуйте внутренний холод, охвативший персонажа композиции "Приэльбрусье" и вы поймёте: автором движет чувство реальной боли за погубленные судьбы, потраченные на фигню денюжки. Вот и здесь: дружки-наркоманы подло бросили лирического героя, того с кем ещё недавно так весело "отжигали", и в результате он "очнулся утром", "один". Наркоманы - люди ненадёжные, от них можно ждать чего угодно, в любой момент они тебя кинут - такой жёсткий и неутешительный приговор худшей части молодёжи выносит автор.

Расстройство

СОЗНАНИЯ

И НАШЕЛ В ГЛУБОКИХ СВОИХ КАРМАНАХ. Здесь автор (отождествляя себя со своим лирическим героем) предстаёт перед нами с новой, неожиданной стороны. Вдумайтесь сами: "нашёл", "в глубоких (!) карманах"! Чувствуется, что Олег Сурков - человек практичный, заботящийся о сохранности своего или доверенного ему имущества. Его карман не стал бы "воцарять", как он всегда "воцаряет" у какого-нибудь Марципана, Суркову не понаслышке знакомы лучшие человеческие качества - аккуратность и бережливость.

ПАРУ КОСЯКОВ, БЕСПОНТОВКИ, КСТАТИ. Снова тема кидалова: малознакомые нарики не только бросили автора в трудную минуту, но и снабдили его скверной, не дающей душевной релаксации травкой. В какой-то момент задаёшься проблемой: не прав ли был Вова Благов, отказавшийся от сомнительного знакомства ради своих сомнительных удовольствий? Но в песне не содержится ни намёка на сожаление-раскаяние по поводу ссоры: приятельского предательства не прощают! Словом "кстати" автор демонстрирует своё великодушие, широту души: ну было и было, раз уж речь зашла,

18, 19 МАЯ
МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ТЕАТР ЭСТРАДЫ
в 19 часов

Олег Сурков

18, 19 МАЯ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ТЕАТР ЭСТРАДЫ
в 19 часов

Вахтанг
Кикабидзе

Вахтанг
Кикабидзе

Продюсер
Игорь Пригожин
Тел. 230-01-01
Директор
Виктор Семин

Продюсер
Игорь Пригожин
Тел. 230-01-01
Директор
Виктор Семин

ВСЕРОССИЙСКАЯ
ЯРМАРКА

18 мая с 12.00 до 23.00

ВСЕРОССИЙСКАЯ
ЯРМАРКА

18 мая с 12.00 до 23.00

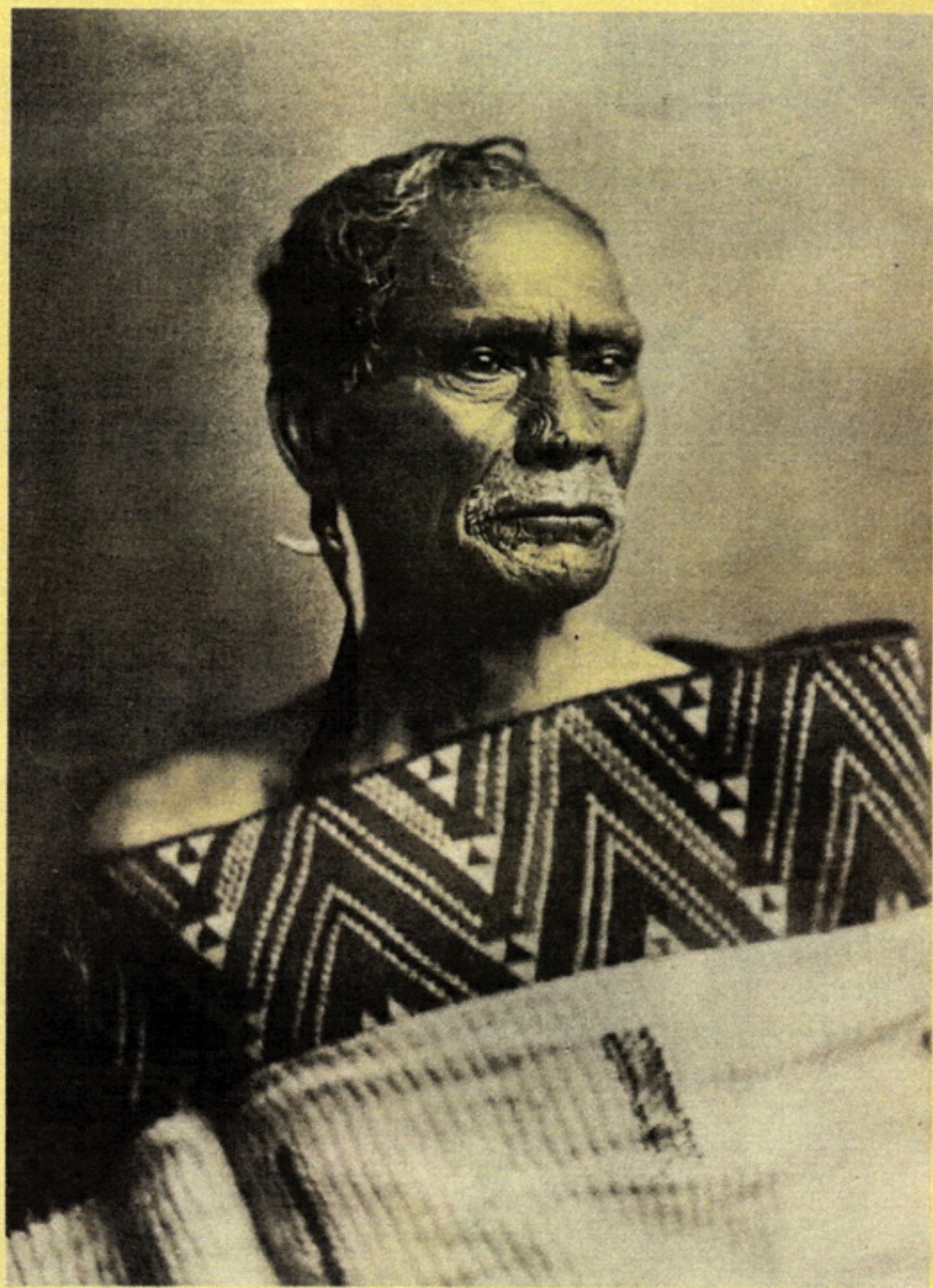

и полный состав группы "Палево".

но я, мол, ни в коем случае не собираюсь циклиться на своём несчастье. И АВТОГРАФ С НАДПИСЬЮ: "А. БАТАЛОВ". Даже в состоянии беспомощности лирический герой Суркова, живо интересующийся культурной жизнью, не поленился разыскать во МХАТе любимого актёра и в знак признательности к его многолетней работе взять у него автограф. В других вариантах этого куплета упоминаются популярные, один среди тусни, другой среди интеллектуальных маргиналов, "В. Пелевин" и "В. Крапивин", что свидетельствует о воистину космическом диапазоне восприятия Олегом Сурковым действительности: любить и ценить творчество всех троих одновременно может либо Олег Сурков, либо душевнобольной. ВСЁ!

Следующая
лекция:
"ПАЛЕВО -
цитадель
психофашизма"

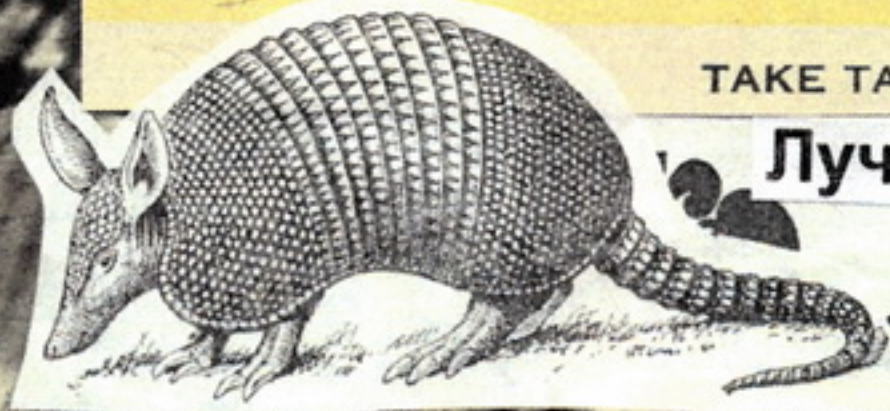

C. R. Killard

E. Tolpavof

TAKE TAKE

**Лучшие новозеландские
татуированные**

ВОИНЫ

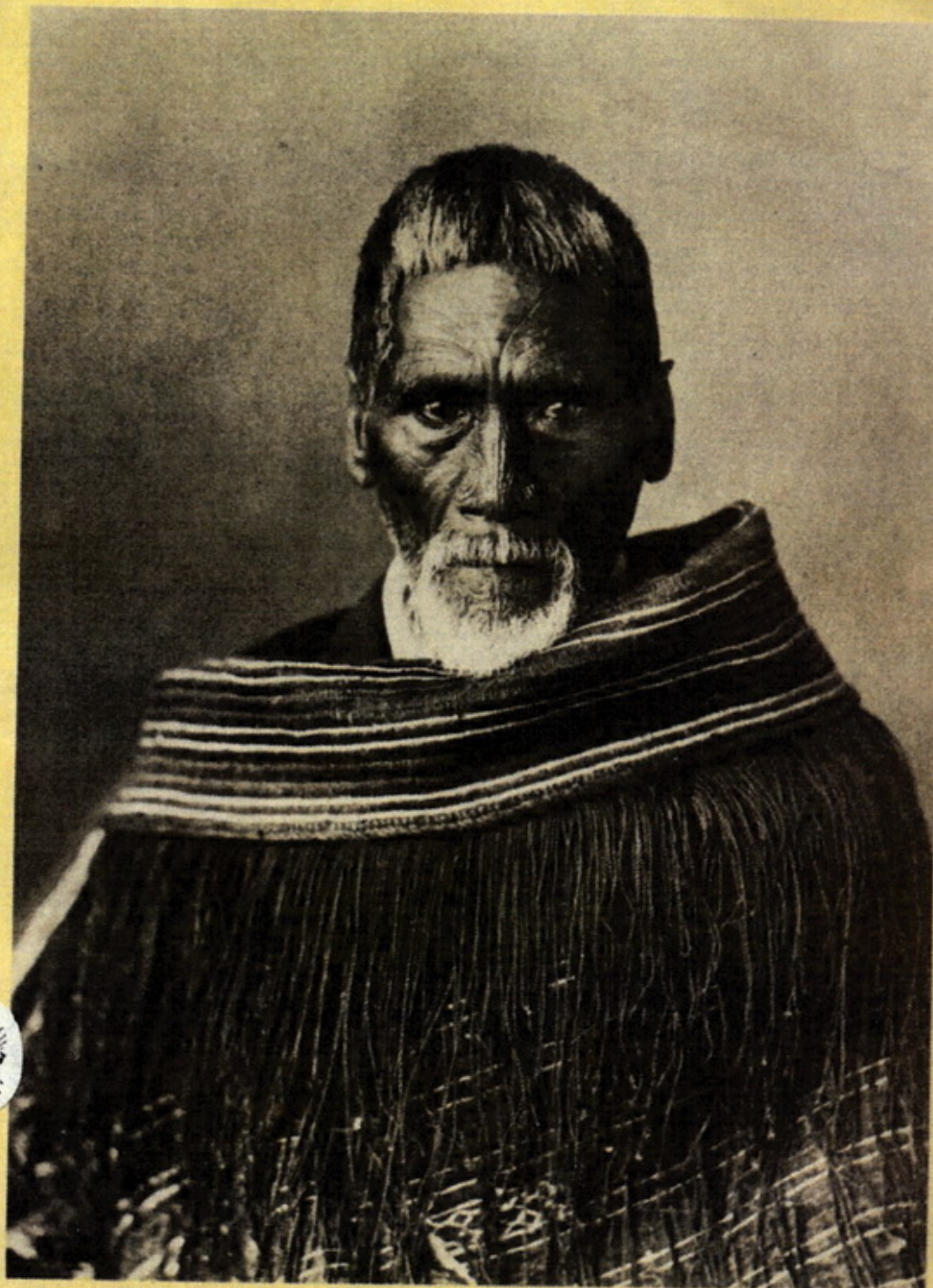
Лучшие новозеландские
татуированные
войны

андские
ные

V.R. Hillard

PATERA TI TUHI

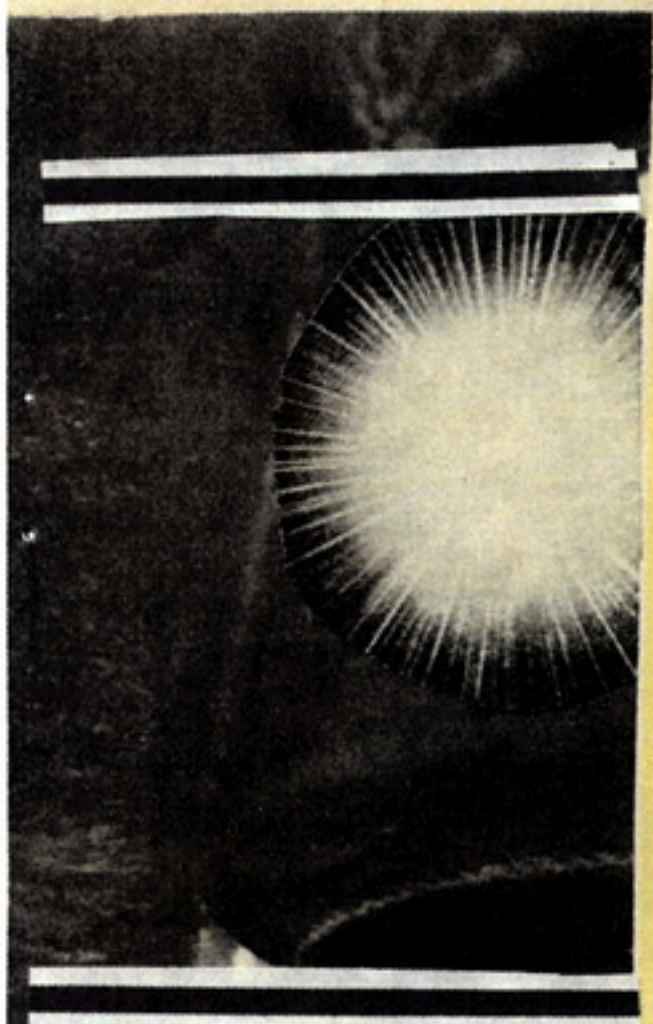

E. R. Chelland

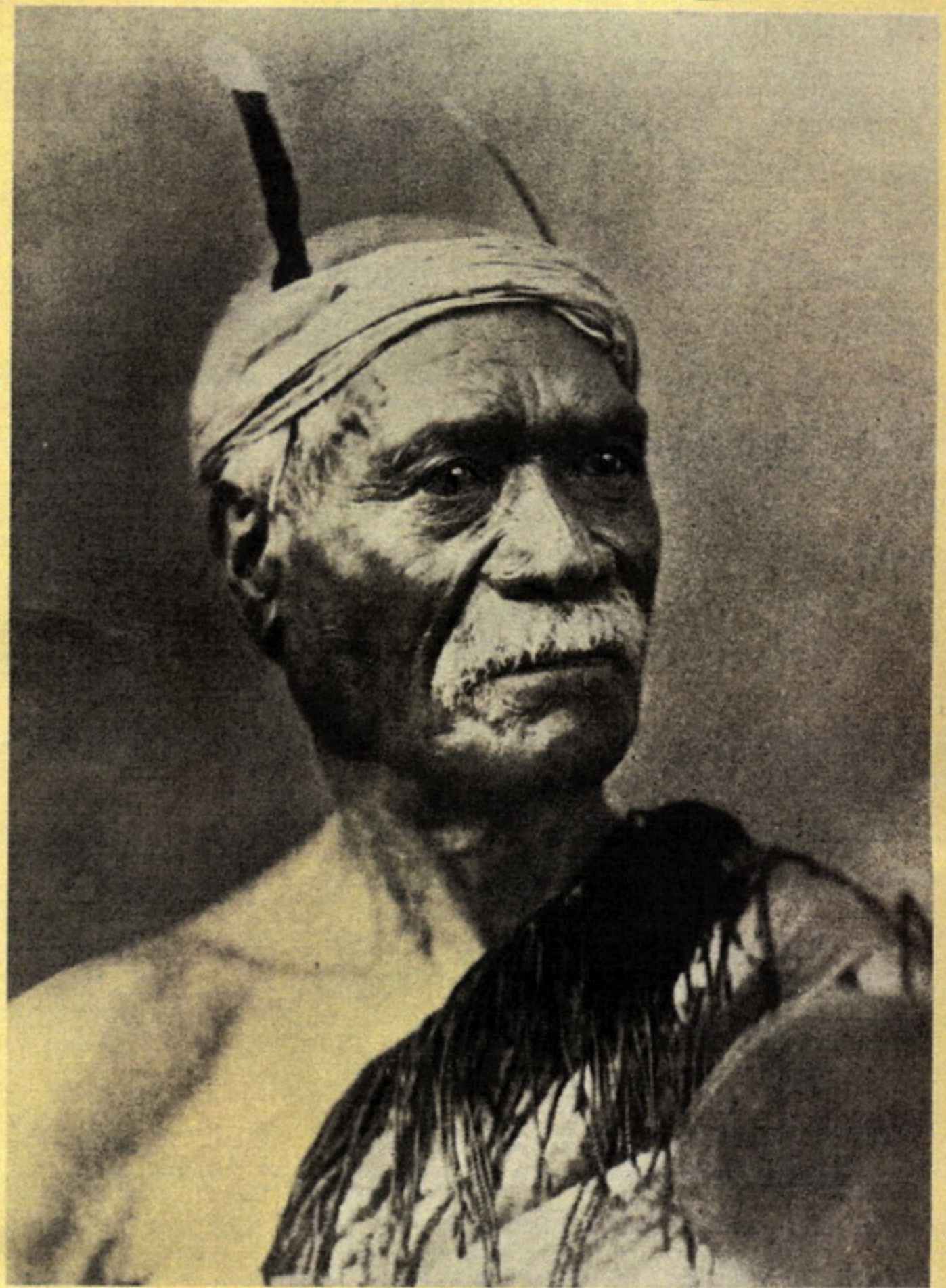
F. T. Chelland

REWI MANIAPOTO

**Лучшие новозеландские
татуированные
ВОИНЫ**

Лучшие новозеландские
татуированные
— ВОИНЫ —

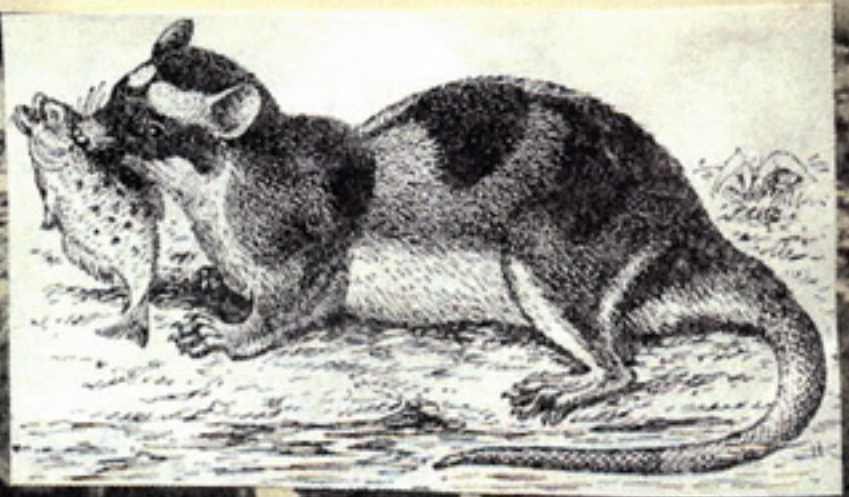
E. R. Hilliard

E. R. Hilliard

TEREWI

2-31

Лучшие новозеландские
татуированные
«ВОИНЫ»

HIRURARAMA

Они

сражались за Родину.

Человек-мархыр

КРАТКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК. Кэтмен... Кто из наших - и здесь поражает их необычное для ужасного матриархального Карфагена единодушие - читателей и читательниц не вдохновлялся в то или иное время этим таинственным характером; у кого не трепетало в расчувствованности трепетное сердце; кто не пытался самую мысль своей прильнуть к вуали истоков запутанного сюжета, тщетно "пытаясь", как сказал бы поэт, "разобраться в проблемах героя"? Не покривим душой, если скажем прямо - любой, любой из нас, включая и тех самых упомянутых читательниц; мало кто знает, что не все из них интеллектуально подобны Хельгусику и То-

Первая новелла

КЭТМЕН ПОКА ЧТО... НЕ ВИДЕН!

музику, которые если что и читают, то только журнал "Бурда", да интернетовскую распечатку фильмографии Джеки Чана, да "Анну Каренину", да беленький каталог "Ужас", другой литературы у них на дому, пожалуй, и нет. Всю сдали в макулатуру, а вот собственно макулатуру, прикинь, оставили. Но Кэтмен! Всяк должен помнить нормального пацана из кинговской "Осени невинности", который утверждал, что Супермен сильнее Микки-Мауса: мыша придумали, а Супермен был на самом деле. А был ли (и будет ли?) в самом деле Кэтмен?

Сложные поиски исторического генезиса Кэтмена завели нас, исследователей, в туманные дебри Альбиона, такие дремучие, что отдыхает туманность Андромеды, порождение большой фантазии странного зверя Ефремова; да что там - уходит на пенсию и сам Олгой-Хорхой! По пути не обращая внимания на сенсационные факты, по-новому проливающие свет на историю Русского Балета, игнорируя тома неопубликованного Будхауза, второпях пиная ногами жестяные коробки с неизвестными человечеству фильмами Александра Корды, мы семимильной поступью лемминга шаг за шагом подходили к обрыву, за которым открывается пропасть истины. Она разверзлась перед нами неожиданно и внезапно.

С унынием в лице перелистывая пыльные подшивки довоенной британской прессы, мы натолкнулись на упоминание о неизвестном рассказе сэра Артура Конан-Дойля "Неуловимый Мститель". Рассказ был создан, что называется, на излёте всего холмсовского цикла, популярностью у населения не пользовался и опубликован был лишь единожды в бульварном еженедельнике "Agroundness" ("Округа"), распространявшемся среди населения насильственно и бесплатно. Попытка его перепечатки в скандально-кровавом таблоиде (на титульном листе этого любопытнейшего издания и впрямь обычно красовалось чьё-нибудь окровавленное табло!) "Extremely Awful Murders" ("EXTR-A-M") была прервана, ибо подписчики единогласно проголосовали против, сочтя предложенную повесть недостаточно зверской.

Вдобавок, каждый умеющий читать лондонец прекрасно понимал, что Шерлок Холмс умер, причём ещё в давнишнем рассказе "Последнее дело Холмса", а следовательно - перед ним лишь наглая печатная инсинуация, предпринятая с целью вытрясти из налогоплательщика лишнюю пару гиней. А между тем, "Неуловимый Мститель" и был первым обращением мировой (в смысле - здоровской!) беллетристики к квазимархырному образу Кэтмена, и без него чудо-человечество до сих пор бы прозябало и без кота из фильма Кустурицы, и без аксёновского Пуши Шуткина, и без собственно "Кэтмена" из одноимённого рассказа Харлана Эллисона (можете не верить, но такой рассказ есть!).

Итак, рукопись "Неуловимого" провалялась на чердаке загородного

дома писателя без малого шестьдесят лет, пока, в конце концов, её по сильной пьяни не обнаружила Вирджиния Дойл, великовозрастная внучка писателя, которая и при его жизни была уже очень и очень немолода. Рассказ попался ей на подслеповатые глаза при попытке прибраться (первая мысль, пришедшая в голову внучки самостоятельно). Также избравшая для себя литературное поприще, Вирджиния Дойл оставила в умах современников лишь тот след, что подписывала свою наводнённую крокодиловыми слезами дамскую писанину исключительно "SPACE MONSTER BARBARELLA". Больше почтенная дама не увековечила себя ничем, и денег у неё не было даже разок прокатиться на шарабане. Не долго думая, она потащила найденный манускрипт на местный (миссис Дойл жила в Ванкувере) drunken-market.

ТОЛЬКО ЧЕРЕЗ ПОЛГОДА КАРТРАЙТ ВНОВЬ ВСТРЕТИЛ КЭТМЕНА

Понятие дранкен-маркета в доках Ванкувера довольно-таки достаточно сильно отличалось от общепринятого. Если у нас на "Волжской" продавцы оторванных телефонных трубок, кассет Ветлицкой, Ежовой, резинового Элвиса на пружинке и тому подобного занятого хлама поутру относительно трезвы и напиваются только в том случае, если впарят-таки какому-нибудь обормоту за десятку (хватает на "Боярышник"!) живую кошку Холли-Молли или же совершенно неживую электроплиту, то в Ванкувере бухают все, изначально и без всяких намёков на торговлю; куплю-продажу там вообще считают занятием, низводящим человека до уровня неразумной скотины. Нашей подвижнице пришлось пережить немало неприятных минут:

её толкали, обзывали "мымрой", "очкастым фашистом" (!), один раз нарекли даже "минзой" ("Ну дела!! - прим. Минзы"), более того, какой-то не по годам развитый младенец осмелился наехать на немолодую писательницу: "Быра говори, скока время?!"

В конце дня Вирджинии Дойл всё же посчастливилось, и она встретила молодого человека по имени Питер Майерс, который и стал для нашего Кэтмена, если вы ещё понимаете, о чём мы вам тут толкуем, Крапивиным, Колумбом и Билли Бонсом в одном лице. Майерс работал стажёром-сталкером в издательстве комиксов "Мурвел". Контора его, всеми правдами и неправдами мимикрирующая под знаменитейший "Марвел" (вспомните палёные кассеты "Макселль", "Токайдо", "Вагдомс" и "Санни"; чуть более прием-

лемый "Саундекс"), давно уже перебивалась с пустого на порожнее и выпускала тяжёлый и неинтересный рисованный бред исключительно на темы, предложенные горе-продюссером заштатного кантри-бэнда "Blackground": про Таню Чернову, про Зину, про Эвелину. Продюссера звали Скотт Рудин. Ничего удивительного, что предприятие терпело крах.

И это обстоятельство, помимо всех прочих, обычных, факторов, не улучшало стажёру-сталкеру его с младенческих лет испорченного настроения. Но - вот как рождаются легенды! Стажёр-сталкер был, по обыкновению, с бодунища; к тому же - не будем использовать сленг - какая-то ботва накануне основательно погнула ему блюдо. На пропивальный рынок Пита в тот день занесло одно сверхважное дело: парень пришёл покупать

себе шанкобыз. К полудню сотрудник уже окончательно остервенился от своего занятия: шанкобыз здесь не одупляли, а на все попытки агента объяснить, что это за звер, предлагали приобрести товар по частям, сували ему "шан" (траву) в спичечных коробках, причём все почему-то ба-лабановской экспериментальной фабрики, и едва не впарили увесистый и совсем сломанный "кобыз" (музыкальный инструмент; Миха Хабаров уже догадался, что это был аккордеон). Лютым образом возненавидев фильмы

СНОВА LONDON. (А ЧТО ЕЩЁ ОСТАВАЛОСЬ ДЕЛАТЬ?)

"Брат", "Брат-2", "Брат якудзы" (в оригинале - "Брат") и песню СЕ "Над Ойкуменой нелюбви", Майерс, привычными ударами ноги прокладывая себе дорогу к свободе, двинулся к выходу. Тут-то на глаза ему и подвернулась странная тётка, завёрнутая в клетчатую шаль и завёрнутая на продаже "Общей тетради" за 48 гиней, каковая, не считите за краткость, была также завёрнута в шаль, но в шаль мохнатую, полосатую.

Остальное - история, в очередной раз свидетельствующая о непотопляемости американской мечты. Уже через месяц первые книжки комиксов о чел-мархыре были изданы на двадцати трёх языках, включая хорватский, сирийский и ассирийский. Они стали лидерами продаж. Снежным комом катилось по типографским станкам количество переизданий - кого там "Отель "У погибшего альпиниста"! "Мурвел" обзавёлся собственным европейским филиалом - "Мархырвел"! Не за горами уже и экранизация (взваленная на мощные плечи мастера скоростного филм-шоттинга А.Каурисмяки), где Кэтмена сыграет, естественно, Джонни Депп, Кэтвумен - Летиция Каста (??), а Муриарти - Амиабх Баччан, актёр тысячелетия; летающая же гусеница Шон будет сконструирована по лучшим чертежам, которые, пытаясь в пароксизме пьяного безумия изобразить Мотру, оставил в назидание полоумным потомкам гений Рэй Харрихаузен. Об особенностях же построения фабулы предлагаемого вам комикса, а также о специфике понимания и недопонимания этого великого искусства в России мы расскажем вам в нашем следующем культурологическом очерке.

СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩИХ ГЛАВ. Это роман о человеке, выросшем и воспитанном в обществе насилия. О человеке, для которого презрение к "низшей расе" - обыденность, убийство - средство достижения цели, а подлость - норма.

Другими словами, любимые читатели, о нас с вами.

На Земле (общими усилиями сведённой к единственному населённому пункту - железному мегаполису Ясенево) - тотальный сухой закон (вот она - подлость, которая норма!). Бухать разрешено исключительно в воздухе. Тристан, алконавт-воздухоплаватель и неудачливый подрывник (участник Сопротивления) в силу своего неумения организовать работу попадает в воздушную тюрьму, откуда вместе с влюблённой в него надзирательницей Юкико вскоре совершает побег; и дабы не впасть в трезвость - при помощи воздушного шара. Тюремщики, возглавляемые одержимым

эротическими кошмарами младшим полицейским инспектором Стэнли Чейни и нечеловечески жестоким охранником Медведём-Шатуном, чуть помедлив, снаряжают погоню.

Пролетая над гнездом птицы Рух, Тристан и Юкико, счастливая пара, решают отметить побег. Во время обречённой попытки открыть шампанское воздушный шар, наречённый ими "Диким Котом", терпит крушение в дикой пустыне. Олгой-хорхой, сразу скажем, там нет! Зато есть оглушенные ядохимикатом кроты, странный мужик, поначалу принятый Тристаном за бабу, а впоследствии - не будем забегать вперёд! - оказавшийся узнаете кем, и упомянутая зловещая сумасшедшая птица. Взяв с собою птенца птицы и троих - сочтённых наиболее вменяемыми - кротов, герои сомнамбулически и долго бродят по пустыне, после чего отбивают у прилетевших за ними поимщиков дирижабль. Попытка младшего инспектора остановить их приводит к тому, что он проваливается в подземную нору.

К чему же приведёт его и всех остальных это великое занорение?!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ТАЙНЫ ПОДЗЕМНОЙ ЖИЗНИ (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

(В предыдущем выпуске по адскому недосмотру редактора не было указано название третьей главы. И нормально! Никто, кроме него, этого не заметил.)

"На их стороне - подвалы!" (Егор Летов)
"Не полезу в катакомбы!" (Фомин)

Ночь шуршала над головами беглецов, как мархыра чёрный плащ. Звёзды, в свою очередь, очень напоминали мархыра голодный плач. И рассвет бросался навстречу, как злощип мархыр по ступенькам.

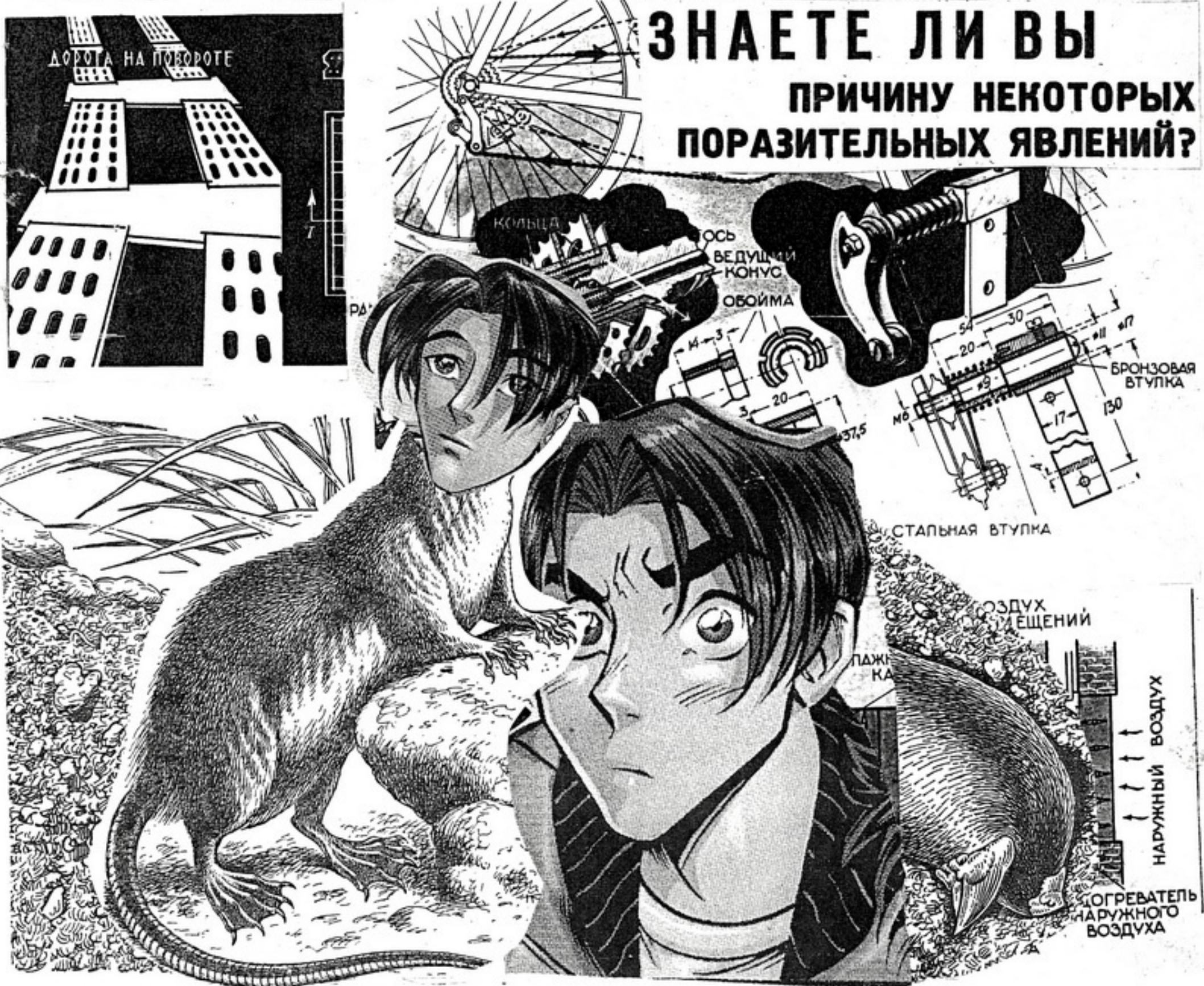
Жуткий дирижабль оказался способен летать. Невнятной громадина из снега, и пыли, и проспиртованного жидкого воздуха, поминутно взмывая в высь, уже третий день бессмысленно и беспощадно колбасилась по багровому небу, самую свою стабильностью намекая на вечную кругосветку, на восьмидесятидневный круиз к черте... К чёрту!

И все эти три дня Тристан, казалось, был сам не свой. Он не прирагивался ни к провианту, ни к крепёжной мадере, запас которой Эничик-птенчик, бывший авиаторам вместо ребёнка, истощными воплями не замедлил скорее обнаружить на антресолях кают-компания (?) корабля. А убаюкивающее, восходящесолнечное пицание стюардессы вызывало в горле командира лишь клокотание протоплазмы невербальных эмоций.

Червь сомнения изгрыз воздухоплавателя.

И вся траектория сложных путей этого сомнительного червя была выложена в тематических выкладках, в сложной проекции индивидуального бессознательного, в попытках (ибо времени было в обрез!) нацарапанной на обрывках увольнительных бланков, на пустографках, на остатках грессбуха и на куцах листках билетиков на мархырные концерты; предыдущие владельцы воздушного чудища явно корчили из себя продвинутых.

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ ПРИЧИНУ НЕКОТОРЫХ ПОРАЗИТЕЛЬНЫХ ЯВЛЕНИЙ?

Потрясая своими картами-схемами, на закате дня Тристан разбудил японскую возлюбленную громко заданным вопросом: "Ты спишь?"

- Ухху! Хню! А-а-а! Совесть, что ли, отнялась? Дай поспать! Единственный раз в жизни могу я получить хоть какое-то удовольствие? Скока сейчас время? Нет! Не-ет! Уйди от меня! Где мадера?! Не сплю! Не сплю!

Сонная и неприосаненная Юкико являла собою буквальное подтверждение изречения Будды: "У горя женский облик". - А-а-а-аа! Где мадера? -

От громких криков пробудился и Энчик-птенчик и тут же, прямо сразу, сработал усилителем, прибавив к ним и своё, тут же адаптированное декодером, извечное: "Кофе, чай, другие колониальные товары!" Тристан был вынужден ждать, пока маска театра Кабуки на лице стюардессы сменится маской театра Но.

- Так спишь или не спишь? Эй!

- Но! В сутках нет столько часов, сколько я трачу на сон! Тысячу и один раз - НО!

Тогда Тристан, приближая истрескавшиеся от жажды губы к японскому ушку, полным отчаяния и конспирации голосом прошептал:

- Есть подозрение, что в нашей организации завёлся крот!

**- Кофе,
крот,
другие
колониальные
товары!**

"О сумерки моего рассвета! - сверкнула неоновыми глазами, выругалась про себя Юкико, которую весь этот затянувшийся рейд уже притомил. - О вечные сумерки моего помрачения, свернитесь ежом! В "организации"!

Да что ему надо, этому псевдокапитану, этому так некстати вытрезвевшему бухателю, этому зеку?! Вместо того, чтобы предаться любви..."

Кроты - Балтазар, Гаспар, Мельхиор - до этой минуты в кои-то веки задремавшие, составившие собою сверхъестественный паззл - также вострепнулись. Задёргались. Навострили рецепторы восприятия.

И затаились.

- Подонок! Не любишь ты животных! - навзрыд и невпопад рыдала Юкико, так и не нащупав у изголовья мадеру. Энчик-птенчик, прекрасно

знавший, куда она делась, вторил ей ревом, переходящим в рык, срывающимся на мяв. Кроты суетливыми брейками также демонстрировали полное впадение в панику.

- Да почему же? Совсем, что ли, меня за животное держишь? - возмущался Тристан. - Да меня хлебом не корми, дай только поцеловать какого-нибудь зубрика в мохнатую мордочку! Ни за какие коврижки не соглашусь его не целовать, такие вот пироги. - Непонятно отчего, командир вдруг почувствовал сильный голод. - Но кроты... Это ведь и вовсе другое! Кроты, работающие под прикрытием...

- Работающие? - Юкико в тоске уставилась на Тристана, как мавр на ледяную глыбу. - Работающие?! Well. Под прикрытием чего?!

Речь стюардессы уже менее всего походила на пение сирен.

- Чего, чего?! А ничего! Пчёла наш брат, кто забыл - я напому! Под прикрытием, вот... Энчика-птенчика!

(Минг (конспиративное имя "Балтазар") вздрогнул. Коготь лапы произвольно принялся выстуговать азбуку Морзе: "Морсу мне, морсу! Ты, ребята, срочно пришлите морсу!" При этом агент искусно притворялся спящим. - Йен! Энчик-птенчик сдал нас! Нас рассекретили! - Мельхиор, добрый и славный малый, молча пожал плечами. - Ну а ты что хотел? Законы жанра. - От шума разговора проснулся третий зверёныш. Проснулся и ничего не понял. - А! А-а! Что такое? - Да помолчи ты, Шаратов, тебя ещё только здесь не хватает...)

А влюблённые, не замечая, впрочем, никакого внимания на разворачивающиеся у них под боком дела трубейные, движительные дела, вместо того, чтоб предаться любви, ещё очень и очень долго заполняли своё воздушное время несусветным маньячеством, кошмарниченьем, шпиономанией. Как всегда, они и не подозревали о надвигающейся катастрофе.

Нам же давно пора... Аушки? Спать? Да нет же, какое "спать"? Сон - буржуазная выдумка. Пора обратить наше внимание на судьбу инспектора Стэнли Чейни.

Что, думаете, ему настал Caput Mortum? Волнуетесь за него? Ну так не бойтесь, ещё поволюбуйтесь. Младший инспектор Стэнли Чейни - это де-

до такое... Затяжное... Сказали бы мы, что он "никуда не убежит", но даже любая научная фантастика должна иметь свой предел.

Не говоря уже о соцреализме, коим мы и являемся.

Итак, младший инспектор провалился под землю.

Провалился и провалился, что тут такого? История человечества, и вы это знаете, насчитывает добрый десяток подобных примеров. Вот они: закатилось красно солнышко; жрецы разбудили мардонотавра; мардонотавр (зверь, умеющий быть невидимым) не пережил ледника; кроманьонцы Нао, Нам и Гав были совсем не против раскуриться, но сильно запарились в поисках хоть какого-нибудь огня. Рим пал под нашествием варваров, и его не спасли даже лучшие гладиаторы в стиле гуся; мхешные "студийные" деньги были смело потрачены на Минзу (технический редактор этого журнала) и Молоднякова (автор сюжета этого романа) И... Да что там говорить! "Моби Дик" провалился!" (Леос Каракс. Конец цитаты.) Турок-еврей из культового романа наших отсталых предков - и тот тряс с населения деньги на ремонт провала, чтоб не слишком проваливался (и чтоб каждый, дочитавший номенклатурный бестселлер до этого эпизода, окончательно охренел).

Все эти примеры, все эти легендарные экскурсии отличает одно: заканчивались они (кроманьонцы не в счёт, хотя тоже!), как правило, ничем хорошим. Но подождите! В нетипичном случае младшего инспектора - события только начинают начинаться. Слушайте!

Под землёй, многие века надёжно укрытые от посторонних глаз и наземных ветров, жили старолубы. В Ясенево давно позабыли о том, что они вообще были; сами же подземные уже в третьем поколении не догадывались о существовании какой-либо власти, кроме власти Золотых Дней. Столетия назад их предки, не выдержав объятий железного мегаполиса, бешено мчащегося столового транспорта и жестокого антиалкогольного произвола,

собрали манатки и ушли в Хтон, в королевство вечной царицы-ночи, ступенька за ступенькой, всё ниже и ниже, туда, куда - согласно остаткам их скудного понимания - никто не придёт.

Старолюбы имели рацию. У "Мирового" - как сами вожди окрестили свою диктатуру, подразумевая тем самым, что она дико клёвая - правительства хватало дел и без них. Сами же дети подземелья, не занятые ничем, постепенно теряли прежний опыт, заменяя его на символ. Родовая память вытеснилась тоже, по сути дела, памятью, но фантомной. Сначала сектанты перестали помнить про денюжки, затем про интим, затем про музыку, затем про продукты питания, а ещё через два поколения отмерло и бухло. К моменту грандиозного провала младшего инспектора Чейни от всего накопленного чудо-человечеством культурного багажа остался один только Ритуал, за которым обыкновенно следил самый морщинистый человек племени. Собравшись возле огромного, тщательно инкрустированного, выкрашенного коричневой краской "Капут Мортум" бруска - "МАФОНА" - эти взрослые дети замирали в странном оцепенении, лишь иногда суетливо встряхивались и чокались пустопорожними деревянными рюмочками:

- Ну, будем! Дай Бог, чтоб не последняя!

А "прослушав" "МАФОН", "вмонтировав", как им казалось, достаточный децел воздуха, старолюбы принимались вести неторопливую застольную беседу, и всё бы ничего, да только "разговаривали" они на таком чудовищном суржике, что никто из них ни себя, ни другого не понимал. И это был, сказал бы Гурьев, чистый акт незамутнённого самовыражения; здесь не помог бы и юркин немецко-китайский дешифратор.

- Хряпнем малепусика! Отдыхаем на красоту!

Как вы, наверное, уже догадались, встреченный Тристаном в степи обабившийся клошар был тем, кто пришёл туда из-под земли, неизвестно за каким дьяволом выползши на поверхность. Возможно, чувачком руководило вдруг пробудившееся законное и фантомное желание "сходить", но вероятны и другие трактовки: мало ли во Вселенной атакизмов? Понятно,

Веселые порядки

что Тристан насмерть перепугался, услышав его непривычное заборматывание про "сейшен в Ленсовета" и "RIFIFI", но, как мы вскорости убедимся, это ещё не самый страшный фонетический предел, на который в смятении чувств были способны подземные полулюди.

И тем более удивительно, что у маленькой девушки Дженни Кошкиндовой хватило сил одним взмахом кос пустить под откос установленный порядок вещей.

ПОДЗЕМЕЛЬЕ

Дженни ещё в раннем детстве потеряла родителей: куда-то их дела, а куда - никак не могла вспомнить. И потому росла под надзором сумасшедшего, но доброго дедушки, Леонарда Карловича, в те самые годы неисчисляемой подземной эры как раз и взвалившего на себя бремя морщинистого кисона. Кто знает? - возможно из-за этого Дженни часто задумывалась о подробностях жизни.

- Слушай сюда, старик! - однажды ласково подкатила Дженни к деду. Девушке было совсем неизвестно, что прежде подобное обращение бытовало исключительно среди референтов примоднённого богемного героя: Василия Аксёнова, и что не годится подобным образом раскручивать на базар старого человека.

- Слушай сюда, пахан! Слушай сюда быра! Ты имеешь хоть как-то рассказать мне, что вообще это всё? Кого мы должны жить, повторяя слова, лишённые всякого смысла? Делать, чего не понимаем? А сколько наше племя уже здесь живёт? всю жизнь? Откуда, в конце концов, пришёл к нам всем Ритуал?

- Ритуал, говоришь, дочка... Не смей меня! Из долин Ливана, из джунглей Кубы... не, Тюмени, Актюбинска, из Тьмы Веков он пришёл, деточка. Из Тьмы Веков, глубокой, как алкогольное опьянение горьким напитком "Зубр".

- Как что? Нет, ну а всё-таки? - Дженни смело проигнорировала название внучки "дочкой". - Что всё это значит? Почему вот я "Кошкиндова"? Почему, к примеру, не "Домогарова", не "Панарьина"?

- Кошкиндова... В этом - великий смысл. Кошка - это вот. - Деда большим пальцем ноги неумело начертал в пыли уродливый силуэт, нечто

вроде крысы из нержавеющей стали на страусиных ногах-ходулях. - Вот тебе и вся кошка. Мархыр это, внучка! Сусанчик хорошенькой!

- Ну а "дом"?

- Дом - это вроде норы, только вверх, - "объяснил" дед. - Я и сам - сусан! - вдруг не замедлил прибавить он. Пожилого человека иногда немного перемыкало, с тех самых пор как, ещё в юности, он однажды применил технику "Железная голова".

Внезапно он вскочил с места и бросился прочь, очевидно, о чём-то вспомнив. Должно быть, догадался, что надо срочно чокнуться - "Чтоб не последняя!" - с другими старейшинами, чокнуться раритетной древесной рюмкой. А то и на пару часов "приобщиться к искусству": посидеть возле "МАФОНА", абы кем искусным образом вырезанного из пробкового дерева ящика с двумя отверстиями по краям. Отверстия назывались "ДИНАМИКИ". Один старец-предшественник как-то сказал Леонарду Карловичу, что они зовутся так от слова "динамо", ибо динамят: никто никогда не слышал оттуда никаких актуальных звуков.

А Дженни в тот день ещё долго бродила по коридорам подземки, вблизи сталактитов и жертвенных алтарей. Её томило смутное чувство, как если бы что-то купил, да только не знаешь, что и для чего. Впрочем, "купить" в лексикон девушки не входило. И оставалось лишь в тоске читать время от времени попадавшиеся на стенах слова, написанные с грубейшими орфографическими ошибками: "ОЛЕНЁВ", "БИЗМОЗНЯГ"...

"Оленёв" так и остался непонят, но "Бизмозняг" Дженни расшифровала мгновенно. Это был "безмазняк", нечеловечески зверское ругательство, которое дед ежеминутно проносил в те секунды, когда ему что-то не нравилось. И чуть подальше: "КОДИЛАПА", "ГРОВИЦАПА ОТ ПИПИЛАЦА", "МОРХЫР". "Морхыр"... Невежды, бестолочи! Мархыр! Сусанчик хорошенькой... Дженни полночи кошмарничала, не могла уснуть.

А когда всё же смежила веки, ей приснился этот самый мархыр: кошке маленький, весь чёрненький, рыженький. Злющенький!

Лау? Лишь бы вам про инспектора! "Где он?!" Детектив это, что ли? Стэнли очнулся в уединённом гроте, весь с ног до головы присыпанный сонным песочком. Какое-то время он ждал, пока в нём осядут остатки изображения. Затем встал, пошатнулся, помахал воображаемыми крыльями гуся, поглядел на себя из бездны, но одновременно как бы извне её и нетвёрдой походкой, не помня себя, куда-то побрёл. Размышления о том, где он оказался, младший инспектор волевым усилием немедленно прекратил, справедливо рассудив про себя: "Не всё ли равно?"

Очень скоро ему само-собой как-то получше. Инспектор издал тихий протяжный свист, сплясал твист, затем, уже в полный голос, принялся петь. Рука его потянулась к воображаемым наручникам и дубинке. Должно быть, он и впрямь сильно наглотался сонного песка, иначе чем объяснить, что страшное падение в бездну было для младшего инспектора, как с гуся вода.

И то, что над головой не виднелось небо, тоже его совершенно не пугало. Пугало другое.

Да, вот такой уж он был - гений дзюдо, пьяный мастер дедукции, корифей уголовного сыска, герой нашего времени, младший инспектор Чейни-младший. Образованный умница, вот кто он. Впрочем, чаще всего образованный умница, подобно своему кумиру Марлоу, предпочитал работать кулаками и особенно не церемонился ни с задержанными, ни с подсудимыми; чуть что - сразу привычным ударом ноги в челюсть.

Вспомнить хотя бы страшно запутанное "Дело марьинских недомерков", когда инспектор буквально голыми руками перебил целую отдельную и опасную банду: это тебе не разговоры разговаривать! Здесь ещё важно, что Марьино находилось на самом-самом дальнем краю ясеневской Ойкумены, дальше него простирались лишь земли, где влачили собачье существование люди с головами и мозгами Егора Летова. Никого, кроме инспектора Чейни, и послать-то в такую глушь было нельзя. А Стэнли лишь восхитился: "Вау! Как далеко!" Впрочем, это уже совсем другая история, и место ей не в "Мире Искусства", а в альманахе "Записки следователя", который уже не первый десяток лет успешно "издаёт" химкинский Семикотов.

Внезапно младший инспектор насторожился. За поворотом, в глубине сырого лога, он различил мутную группу людей, занятых чем-то едва понятным. Он пригляделся. Так и было, как оно есть: пьют. Руки снова зашарили по не в меру воцаряющим карманам: где наручники?; мысли же обратились к уголовному кодексу: о том, что позволительно, а что непозволительно творить под землёй, в нём указано не было.

Стэнли неторопливо подполз поближе, ему было интересно, чем именно интоксигируют себя местные. Велико было его удивление, когда он не обнаружил материальных признаков напитка. А между тем мнимая алкота явно вела себя подозрительно и, вместе с тем, неадекватно. Вот один завалился набок и задёргал ножками, изображая бухого эпилептика. Вот второй поднялся вдруг с места, выпучил налитые кровью глаза и громко-добно заорал:

- В клуб не пойду! В Тюмень не поеду!

- Уб-б! Не пойду-у! Не поеду-у-у! - подхватила тут вся толпа.

Особо зловещий контекст происходящему придавал чудовищный расписной комод, возвышавшийся над мистерией. Время от времени кто-то один из сборища подползал к нему на четвереньках, всовывал голову в вырезное отверстие и голосил: "Круто! Драйвово! Вообще атас!" Вопли усиливались сводами пещер, а также акустическим резонансом от безвкусного ящика, который сразу же не понравился разведчику своей вычурностью.

Стэнли почувствовал: здесь что-то не то.

Кто это такие? Секта? Театральная репетиция по системе Станиславского? Или собрание, что одно и то же, профсоюза душевнобольных? Отсутствие в поле зрения хоть какого-нибудь бухла сразу ставило на этих догадках опровергающий крест. Тогда кто?

Неужели всё же масоны? С этой категорией лиц младшему инспектору приходилось сталкиваться едва ли не ежедневно. Вот и в прошлом кварта-

ле он, практически в одиночку, раскрыл кровавую сеть масонов, окопавшихся у всех под боком, прямо в родном Ясенево. План их был коварен и до безобразия прост: зашифровав свою организацию "Хыромасон" в ничего не означающем и, казалось бы, нейтральном слове "хромосом", они буквально наводнили этим словом печатную продукцию, особое внимание обращая на издания для специалистов. Много лет они подобным образом зомбировали население; казалось, победа уже близка, и вдруг Стэнли, сам того не заметив, расшифровал их криптограмму, приделав литр. Его наградили орденом Мархырного региона (имеется в виду - Ясенево), а дело "Банды "Хромосом" вошло в сыщицкие мифы наряду с "Делом марьинских недомерков", "Делом о наезде" и "Делом банды "Леопард", и здесь за недостатком таймеров мы снова посылаем вас в долбаные Химки.

("Съездила я на шаропоезде в ваши Химки, никаких таймеров там ни в одном магазине не продают, сплошные гальванометры и амперметры. Толстуха загоняла привет и спрашивала: "Как сама?", я чуть её не убила. Совсем она одичала! Махну за рубеж!" - прим. Колбы)

Пока Стэнли вспоминал боевые заслуги, старолобы его заметили. Схватили, хлопнули по плечу и подвели к костру... ("Минза, куда ты смотришь? Ещё бардов нам в и так непонятном тексте не хватало! Заколебала печатывать! - прим. Колбы) подвели к резному комоду, где уже сидело и без того достаточно их. Какой-то, на вид самый жуткий, тут же поднёс к губам инспектора пустую рюмку и доверительно предложил:

- Вздрогнем, братан! - Страхолюдина выхватил из-за пазухи какой-то покорябанный футляр, не то медальон, гордо продемонстрировал его, затем принялся тыкать парню в нос родимое пятно размером не меньше мексиканского доллара. - Братэлло! Вздрогнем!

Вздрогнем? Ну вздрогнем: как массовка, так и я. А что ещё осталось делать?! Стэнли в момент припомнил тысячи виденных им во младенчестве хорроров, миллионы их же, просмотренных уже в сознательном возрасте. Волосы на голове зашевелились, весь он покрылся гусиной кожей.

Затем ему припомнилось и другое.

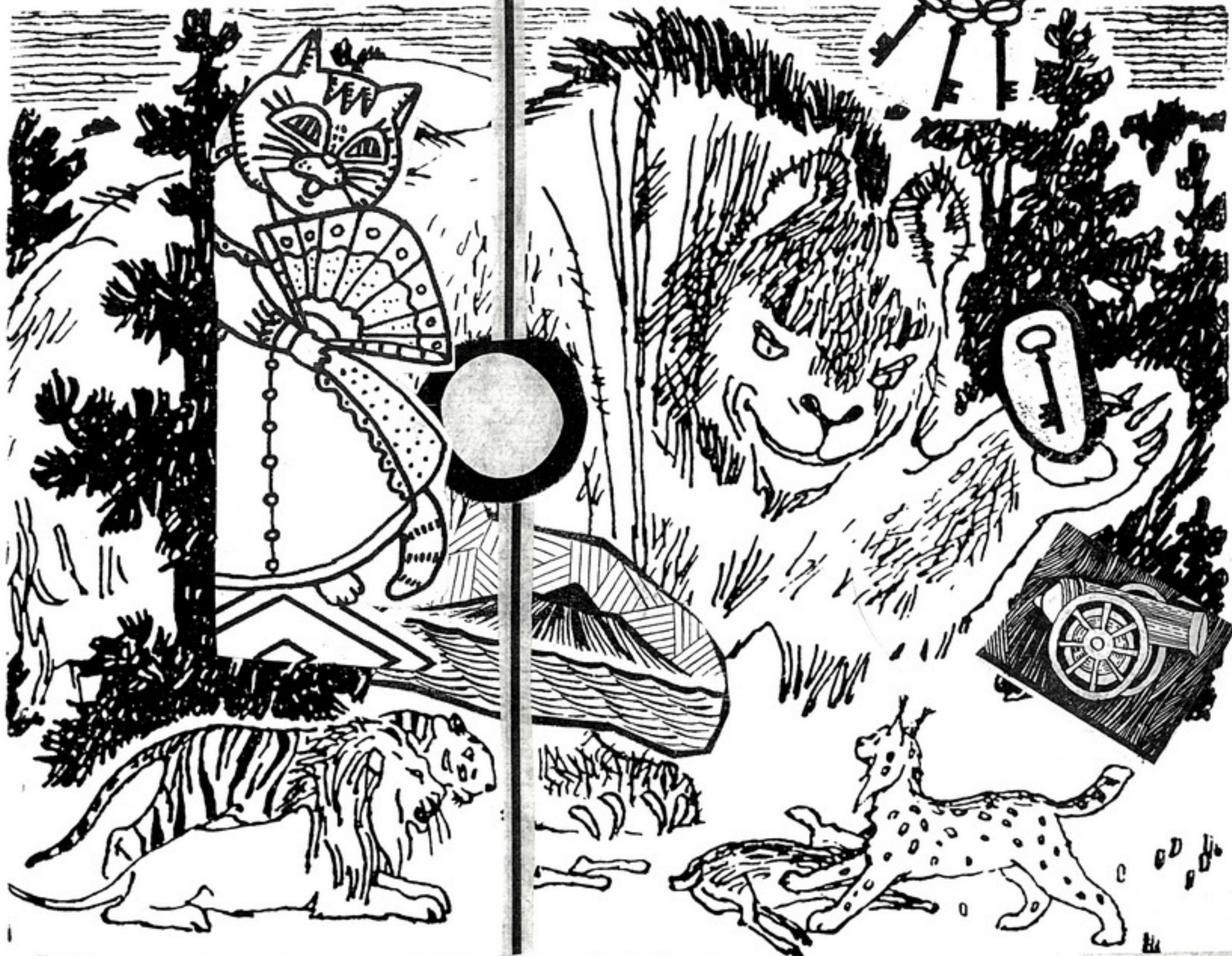
А необычные масоны вдруг враз принялись тукаться о стенки комода, кто рюмками, а некоторые, за неимением рюмок, и головами, последние сопровождали свой спонтанный импульс обязательной фразой: "Мы не буржуи, мы пьем из горла!" Затем следовало ритуальное недоумение, показывающее, что фраза эта им непонятна. И все они в один хриплый, срывающийся на заборматывание голос причитали:

- Ну что, ещё "Зубра"?! Вздрогнем! За потерянный солнцем рай!
- Ну городок.., - только и успел подумать младший инспектор.

В БЛИЖАЙШИХ ВЫПУСКАХ "ВОЗДУХОПЛАВАТЕЛЕЙ": Санта-Мира – город как город, печалиться об этом не след. Мотра: либо оно живое, либо из космоса. Особенности эмоционального шоппинга. Особенности национального линчевания. Кровавая гибель младшего инспектора Стэнли Чейни. И многое другое...

Ключ ключей

В стародавние времена жила на Алтае чудо-зверь Мааны. Была она, как кедр вековой, большая. По горам ходила, в долины спускалась, нигде похожего на себя зверя не нашла. И уже начала она понемногу стареть. "Я умру, - думала она, - и никто на Алтае меня не вспомнит, забудут все, что жила на земле Большая Мааны. Хоть бы родился у меня кто-нибудь."

Мало ли, много ли времени прошло, и родился у Мааны сын. Это был котёнок. - Расти, расти, малыш, - запела Мааны. - Расти, расти...

Но кот, хотя и подрос немного, так и остался мелким зверем, однако петь-мурлыкать от матери научился.

Второй сын - барсук - вырос крупнее кота, но далеко ему было до Большой Мааны. Днём он из дома никуда не выходил, ночью по лесу тяжело шагал, головы не поднимая, звёзд, луны не видя.

Третья - росомаха - любила висеть на ветвях деревьев.

Однажды сорвалась с ветки, упала на лапы, и лапы у неё скривились.

Четвёртая - рысь - была хороша собой, но так пуглива, что и спящая вздрагивала, поднимала чуткие уши. На кончиках ушей у неё торчали кисточки.

Пятым родился ирбис - барс. Этот был светлоглаз и отважен. Охотился он высоко в горах, с камня на камень легко перелетал.

Шестой - тигр - подстерегая добычу, мог от заката до рассвета лежать неподвижно. Он умел вторить весеннему ветру и подражать призывному крику оленя. Он был силен и хитёр, но даже от матери тайл свою силу.

Седьмой - лев - смотрел гордо, ходил, высоко подняв свою голову.

От его голоса содрогались деревья и рушились скалы. Был он самый мощный из семерых, но и этого сына Мааны-мать, играючи, на траву валила, к облакам подкидывала.

- Ни один на меня не похож, - дивилась Большая Мааны, - а всё же это мои, мною рождённые дети. Когда умру, будет кому обо мне поплакать, пока жива - есть кому меня пожалеть.

Ласково на всех семерых детей поглядев, Мааны сказала:

- Я хочу есть.

Старший сын - кот - мурлыча свою песенку, потёрся головой о ноги матери и мелкими шагами побежал на добычу. Три дня пропадал. На четвёртый принёс в зубах мелкую пташу.

- Этого мне и на один глоток ("Так в подлиннике!" - прим. ред.) не хватит, - улыбнулась Мааны, - ты сам, дитя, подкрепись немного.

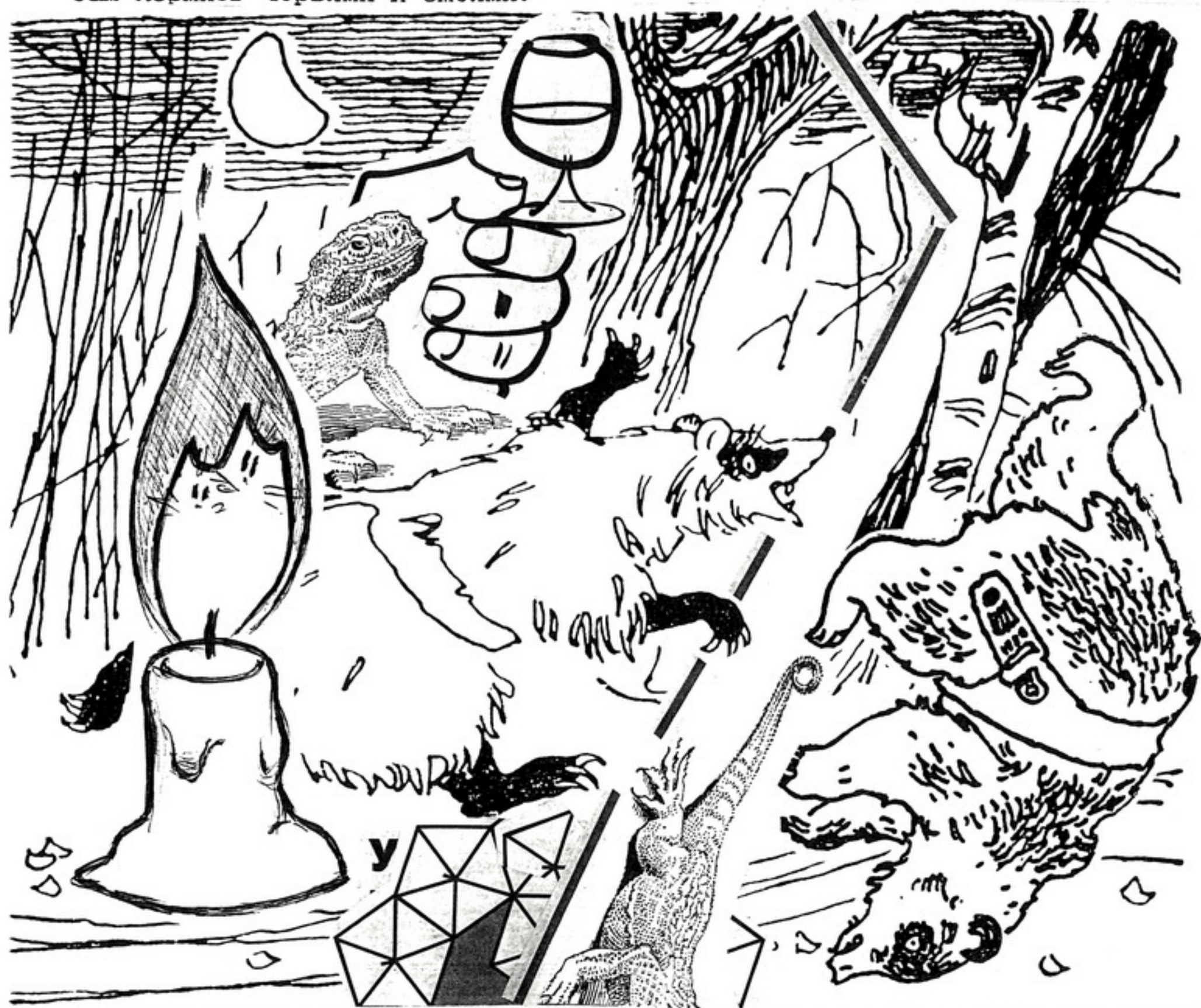
Кот ещё три дня своей добычей забавлялся, лишь на четвёртый о еде вспомнил.

- Слушай, сынок, - сказала Мааны, - с твоими повадками трудно тебе будет жить в лесу. Ступай к человеку.

Только замолчала Мааны, а кота уже и не видно. Навсегда убежал он из дикого леса.

- Я голодна, - сказала Мааны барсуку. Тот много не говорил, далеко не бегал. Поймал змею и принёс её матери.

Разгневалась Мааны: - Ты от меня уйди! За то, что принёс змею, сам кормись червями и змеями.

Похрюкивая, роя землю носом, барсук, утра не дожидаясь, ночью в глубь чёрного леса побежал. Там, на склоне холма, он вырыл себе просторную нору, постелил из сухих листьев высокую постель и стал жить в своём большом доме, никого к себе не приглашая, сам ни к кому в гости не навещаясь.

- Я хочу есть, - сказала Мааны росомахе.

Семь дней бродила кривоногая росомаха, на восьмой принесла остатки волчьего ужина.

- Твоего, росомаха, угощения ждать - с голоду умрешь, - сказала Мааны. За то, что семь дней пропадала, пусть потомки твои по семь дней добычу выслеживают, пусть никогда они не наедятся досыта.

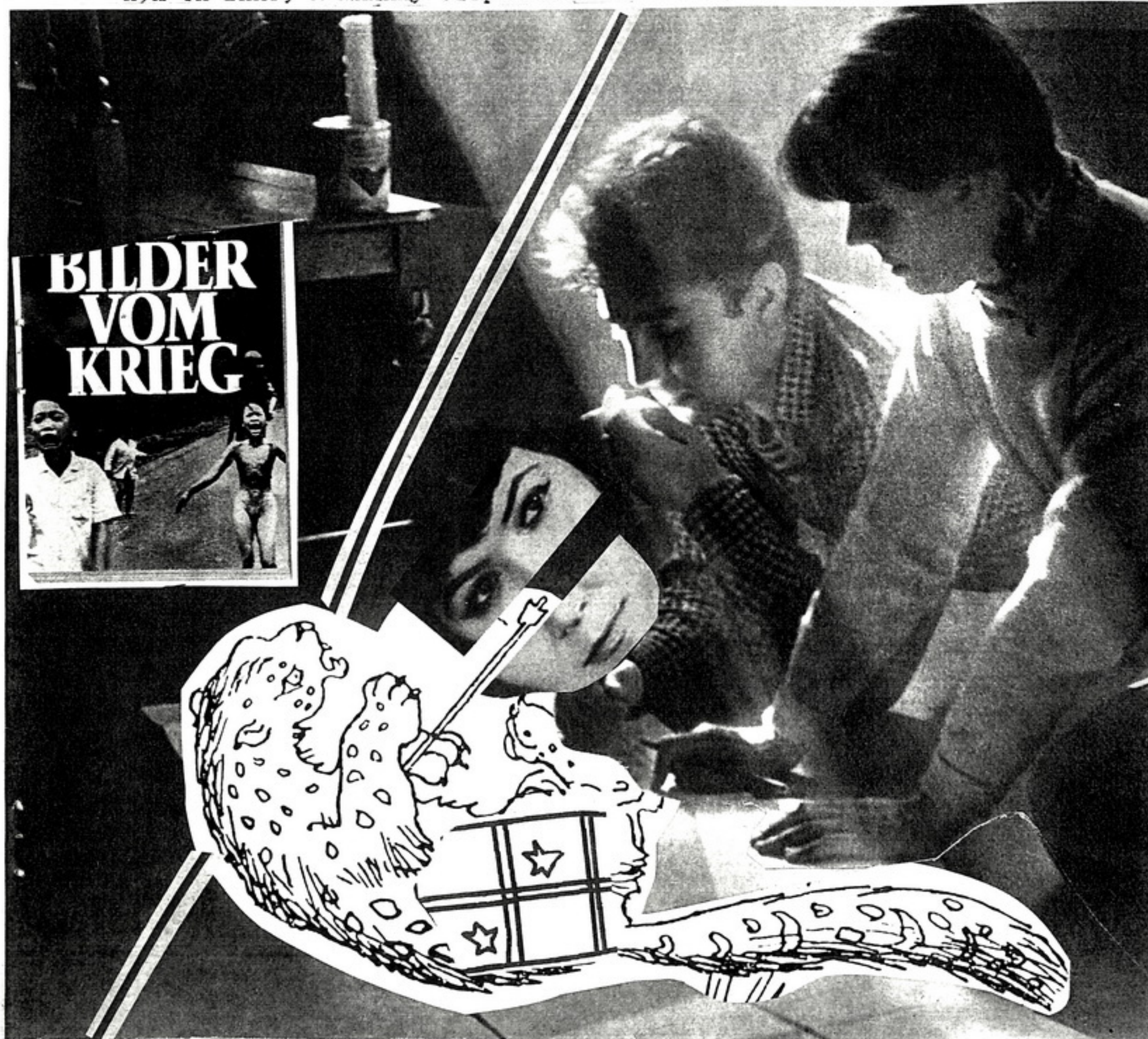
Росомаха обвила своими кривыми лапами ствол кедра, и с тех пор Мааны никогда не видала её.

Четвёртой пошла на охоту рысь. Эта принесла только что добытую косулю.

- Да будет твоя охота всегда также удачлива, - обрадовалась Мааны. - Глаза твои зоркие, уши чуткие, Ты хруст сухой ветки слышишь на расстоянии дня пути. Тебе в непроходимой чаще леса хорошо будет жить. Там, в дуплах старых деревьев, ты детей своих будешь растить.

И рысь, неслышно ступая, той же ночью убежала в чащобу леса.

Теперь на ирбиса посмотрела Мааны. Ещё слова ему сказать не успела, а барс одним прыжком уже вскочил на островершинную скалу, одним ударом лапы повалил горного козла. Перебросив его себе за спину, барс на обратном пути поймал быстрого зайца. С двумя подарками мягко прыгнул он вниз, к жилищу старой Мааны.

- Ну, ты, ирбис-сын, всегда живи на высоких скалах да на недоступных камнях. Живи там, где ходят горные козлы и круторогие бараны - архары. - И взобрался барс на скалы, и убежал в горы, поселился между камней.

Куда пошёл тигр, Мааны не знала. Добычу он принёс ей, какую она не просила. Он положил к её ногам убитого охотника.

Заплакала, запричитала Большая Мааны:

- Ой, сынок, как жестоко твоё сердце, как нерасчётлив твой ум. Ты первый с человеком вражду начал, твоя шкура полосами его крови теперь на вечные времена покрыта. Уходи жить в тростники, в частый камыш, чтоб никто полос на твоей шкуре не увидел. Живи там, где ни людей, ни скота нет. Питайся в хороший год дикими кабанами и оленями, в плохой - лягушек ешь, но не трогай человека! Если в этих гиблых местах ты первый увидишь его, это твоё счастье - беги! Если человек первый тебя заметит - это его счастье, он не остановится, пока не настигнет тебя.

С громким жалобным плачем полосатый в тростник ушёл.

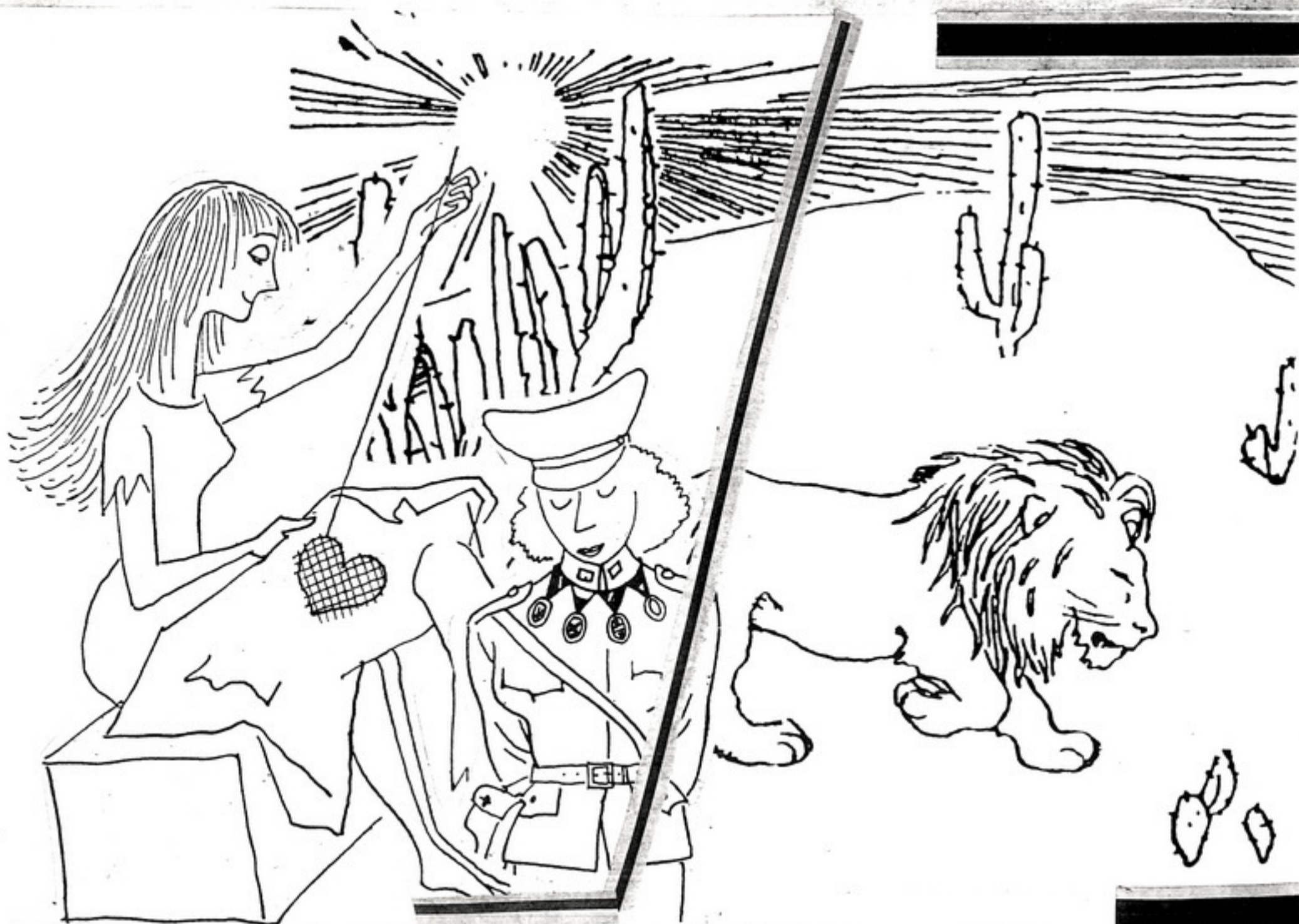
Теперь седьмой сын, лев, пошёл на добычу. Ночью в лесу он охотиться не захотел, спустился в долину и приволок оттуда убитого всадника и лошадь.

Мааны-мать чуть ум не потеряла.

- Ох-ох! - стонала она, царапая свою голову. - Ох, жаль мне тебя, зачем родила я семерых детей! Ты, седьмой, самый свирепый! На моём Алтае не смей жить! Уходи туда, где не бывает зимней стужи, где не знают лютого осеннего ветра. Может быть, жаркое солнце смягчит твоё твёрдое сердце.

Так услала от себя всех своих семерых детей жившая когда-то на Алтае Большая Мааны.

Под старость осталась она одинокой и, умирая, никого из детей своих позвать не захотела.

то на Алтае большая Мааны.

И хотя под старость осталась она одинокой, и умирая, никого из детей своих позвать не захотела

ШАХМАТНАЯ

ИНТЕРЕСНО

Мир скутерам-
война
мигалкам

КТО ДОЛЖЕН
СТРОИТЬ

ЧУДО НАЯВУ

САМО
САМО

КОМАНДА, БЕЗ
КОТОРОЙ НАМ НЕ
ЖИТЬ. И НЕ УМЕРЕТЬ

В ТЮРЬМЕ ВАС
ВЫЛЕЧАТ

СЕЙЧАС
ЛИ ЭТО
ЛУЖЕ?

ГАЗИРОВАННЫЙ
САМОГОН.

ВОПРОС

ЖЕЛАЕТЕ?

КОЛЕСОВ
ПОСКАКАЛ
В АПТЕКУ...

ТАКОЕ

ответ

НО

Свинья посмотрит
человеку прямо в
глаза и увидит себе
равного.

25-й кадр
На «Мосфильме»
можно увидеть всех
в натуральном виде

КУПИ
ящик
любого
спиртного

• НОВЫЙ БЕГЕМОТ
Свидание
с Лизой

НЕ ПРИДУМАЕШЬ

Мир

ника

ЕВРОПА-ТАИЛАНД

кого
шама
нства

ГУЛЯЛА
ВПОТЬМАХ

Промоушен-

Гойко
МИТИЧ:
конвейер

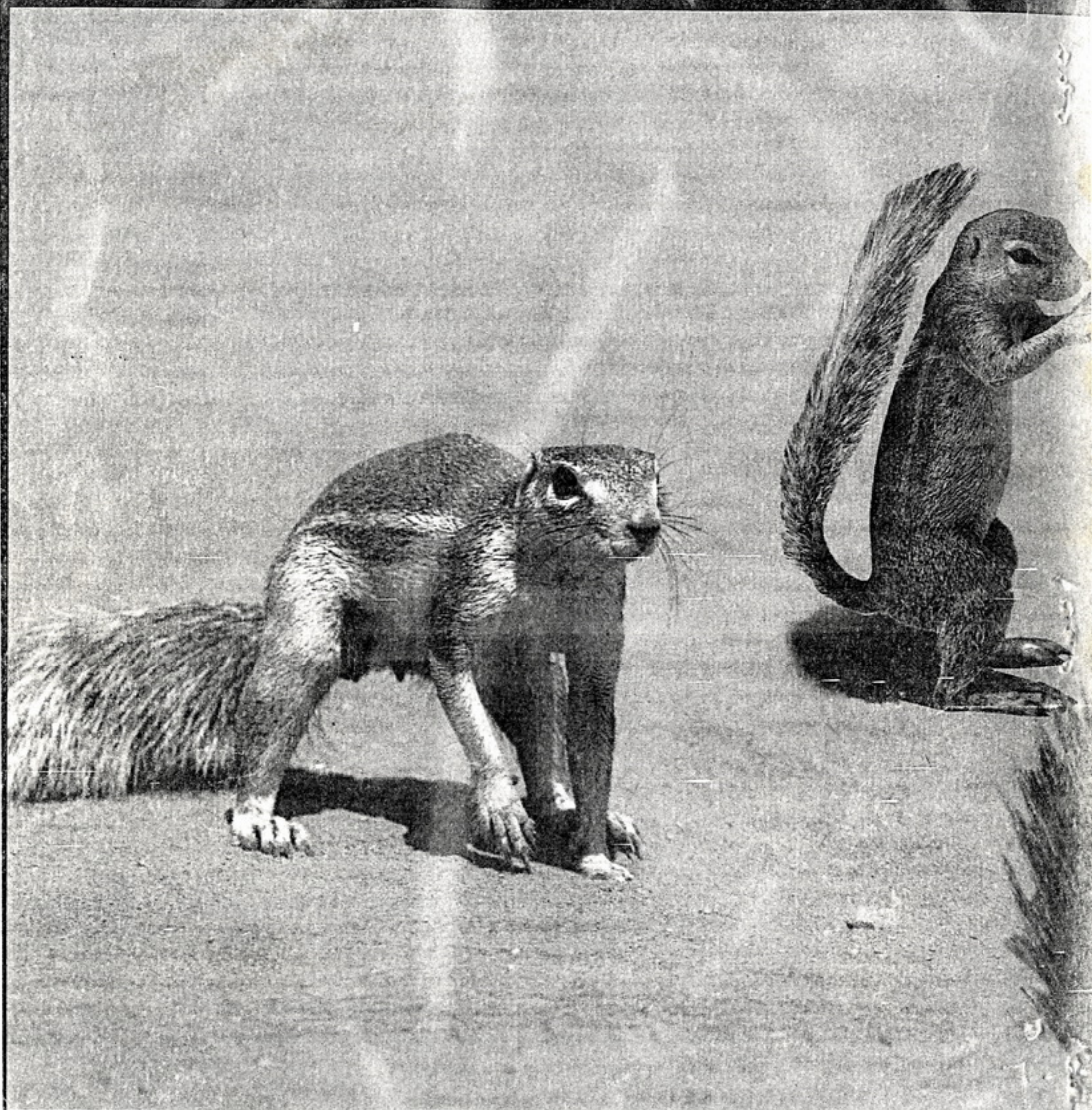
КТО ПОДОЙДЕТ

к телефону?

на обед

ВОТ ТАК-ТО

БАЛЛАДА

В

издательский
дом ОВК

